



Д. Ю М Ъ.

1ф : 92
С - 421

mm

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

БЮТИАНСКОЕ КНИГОТВО О. ПАВЛЕНКО.

92:1ф
СТ2

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РАССВЕТА

ДАВИДЪ ЮМЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ФИЛОСОФСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. В. Сабурова
ИЗДАТЕЛЬСТВО
РАССВЕТА

С. Петербургъ. Издательство "Рассветъ". 1891.

Библиотека

10891

Изд. 1891.

Библиотека
РАССВЕТА
10891

С. Петербургъ
Издательство
РАССВЕТА
10891

СПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литрография и фототипия В. Н. Штейна. Н. Морская, № 20.
1891.

4.3(4Bel)5-514

7(097) (470) W

ср
ф

Ф6.2

С 12

Депозитно цензурно. С.Петербургъ, 25 Января 1893 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введение.

- I. Родители и семейная обстановка Юма. — Его школьные занятия и интеллектуальные склонности. — Первые шаги на практическом поприще 9
- II. Первая поездка во Францию: философские занятия Юма и плоды их. — Труды о тех обязанностях природы. — Первоначальная судьба этого произведений; авторское самоназвание Юма. — Второе литературное путешествие Юма. — Опыты морального, политического и исторического. — Жизнь на дому лорда Антиндрей. — Продолжает съезды 22
- III. Военная экспедиция генерала Ости-Катра. — Путешествие Юма по Европе. — Написание «Философских эссе о человеческом уме». — Смерть отца Юма. — Жизнь Юма в Эдинбурге. — Написание «Исследования принципов нравственности» и «Политической теории». — Избрание Юма на должность библиотекаря общества адвокатов в Эдинбурге. — Исторические труды Юма. — Написание парижской темой «История Англии». — Переезд в Лондон и возвращение в Эдинбург. 30
- IV. Жизнь Юма в Париже, на должности секретаря посольства. — Знакомство с Ж. Ж. Руссо. — Возвращение на родину. — Новый административный пост, предоставленный Юму. — Последние годы жизни в Эдинбурге. — Болезнь и смерть Юма. 45
- V. Написание Локка, Вилсона, древнегреческого скептицизма и Ньютона на философию Юма. — Учение Юма о происхождении познания. — Этика Юма. — Его политико-экономические взгляды. — Характеристика исторических трудов Юма. — Характеристика личности Юма. 53

Пособиими при составлении этого очерка служили следующие издания:

1. The philosophical works of *David Hume*. In four volumes. 1834 г.
2. *Knight*. Hume, 1886 г.
3. *Stephen Leslie*. History of English Thought in the Eighteenth century. 1881 г.
4. *Huxley*. Hume 1880 г.
5. *Benconvier et Pilon*. Psychologie de Hume. 1878 г.
6. Жизнь Дэвида Гьюма, описанная имъ самимъ, пер. съ англ. Н. Марков. 1781 г.
7. А. А. Козловъ. Говорясь теорія пространства и времени. Копт. 1884 г.
8. *J. H. Burton*. Life and correspondence of D. Hume. 1846.

ВВЕДЕНИЕ.

Во всей исторіи борьбы различныхъ философскихъ школъ между собою, быть можетъ, наиболее ярко и рѣзко выражались несогласія и различія взглядовъ у послѣдователей школы догматической и скептической. Въ самомъ дѣлѣ, трудно вообразить себѣ болѣе несходныя ученія. Если въ этомъ случаѣ, съ одной стороны, представителями философіи являются люди, отирающіеся отъ какого-либо положенія (догмы), признавая его несомнѣнно-истиннымъ, непреложнымъ; если, допустивъ это положеніе, они затѣмъ прямо строятъ на немъ свои теоріи, подчасъ весьма красивыя и увлекательныя, каковы были, напримѣръ, теоріи эпикурейцевъ и стоиковъ,—то, съ другой стороны, имъ имѣлъ дѣло съ философами, начинающими свои разсужденія сомнѣніемъ (скепсисомъ), съ которымъ они относятся къ предпославанному имъ догматическимъ школамъ. Самыми древними представителями скептиковъ считаются тѣ философы позрелостелена періода, которые въ III-мъ вѣкѣ до Р. X. основали школы, названныя академическими, и которые возстали противъ догматическаго предположенія стоиковъ и эпикурейцевъ.

Какъ-бы возрожденіемъ этой древней борьбы въ сравнительно близкое къ намъ время, — но, прибавимъ, борьбы гораздо болѣе оригинальной, блестящей и утопчанной, — является философская дѣятельность англичанина Давида Юма, жившаго въ XVIII вѣкѣ. Большинство его сочиненій, замѣчательныхъ и по содержанию, и по изящной литературной формѣ, проникнуто однимъ желаніемъ: расклатъ всѣ заблужденія, всѣ предрассудки, ошибки и пристрастія тѣхъ мыслителей, которые и задолго до него, и непосредственно передъ нимъ были руководителями умственнаго развитія въ современномъ имъ обществѣ. Оружіемъ для этой борьбы Юмъ выбралъ древній скепсисъ, обостривъ его удивительной способностью тонкой критики и ухищряясь замѣчательной послѣдовательностью развивать свои мысли, не отступая передъ самымъ смѣлымъ, порой отчаяннымъ заключеніемъ, къ которому приводила его предпринятая работа.

Интересной кажется намъ слѣдующая характеристическая черта, рѣзко отличающая древнихъ скептиковъ отъ Юма. Древніе скептики, сказали мы, были противниками эпикурейцевъ и стоиковъ; надо замѣтить, что обѣ эти догматическія школы преслѣдовали въ своихъ исканіяхъ часто эгоистическую цѣль: достиженіе счастья единичному человеку; при чемъ одни (эпикурейцы) видѣли это счастье въ пользованіи всевозможными удовольствіями, наслажденіями, такъ какъ въ этомъ-то, по ихъ мнѣнію, и состоитъ высшее благо, указанное намъ природою; другіе же, (стоики) требовали отъ человека исполнѣ безстрастнаго, апатичнаго отношенія ко всему внѣшнему, для того чтобы самъ тѣмъ успѣшнѣе могъ углубиться въ самого себя и при помощи своей доб-

родителя найти вѣрное пониманіе добра и зла; укрѣпленія же воля поможетъ ему окончательно победить все зло въ видѣ неразумныхъ природныхъ влеченій, пожеланій, страстей и т. д. и стать вполне счастливымъ. Обѣ эти теоріи отправлялись отъ того положенія, что сущность добра, наслажденія или, наоборотъ, зла, страданія есть нечто доступное человѣческому уму. Противъ этихъ ученій скептики возражали, что всего человѣческаго познанія недостаточно для того, чтобы опредѣлить сущность добра и зла, чтобы узрѣть абсолютную истину. Поэтому недостижимое стремленіе познать сущность вещей не можетъ дать счастья человѣку; напротивъ, оно тревожитъ его, волнуетъ, приводитъ къ состоянію вѣчнаго безпокойства. Истинное же счастье доступно лишь тому человѣку, который, отказавшись отъ гнѣзды абсолютной истины, смотритъ на все внѣшнее съ полнымъ равнодушіемъ, съ душевнымъ спокойствіемъ, не нарушаемымъ никакими пожеланіями.

Счастье, возможность счастья, цѣна, которую выгодно заплатить за достиженіе его, — таковы основы и побудительные мотивы философствованія древнихъ догматиковъ, равно какъ и скептиковъ... Какъ далеко пошелъ скептикъ, Юмъ, отъ этого эгоизма, этой корысти своихъ древнихъ предшественниковъ. Разсѣять тьму заблужденій и предрасудковъ, расчистить путь правдѣ и насладиться ея свѣтомъ, хотя-бы то былъ такой ослѣпительный свѣтъ, отъ котораго сильно пострадаютъ непривычные глаза, — вотъ все, чего добивался знаменитый скептикъ XVIII-го вѣка. При дальѣйшемъ изложеніи философіи Юма мы увидимъ, что опустошительные результаты сѣклой критики дѣйствительно привели его къ глубокому отчаянію; но прямой и стойкій

умъ философа и его сильный характеръ не допускали ни компромиссовъ, ни пожелновокъ. Юмъ героически выдержалъ и презрительное негодование современниковъ, и собственныя душевныя терзанія, и потерю вѣры въ смыслъ своего существованія, — словомъ, вынесъ все, чего боялись древніе скептики. Это-то и составляетъ интересную черту въ ученіи и въ характерѣ Юма, этого замѣчательнаго и сжатаго аналитатора.

I.

Родители и семейная обстановка Юма. — Его интеллектуальныя и юмористическія склонности. — Первые шаги на гражданском поприщѣ.

Родъ Юмовъ происходитъ отъ извѣстной шотландской фамиліи графовъ Юмовъ, и уже во времена Якова I и Якова II Стюартовъ представители его отличались въ войнахъ съ Франціей. Отецъ Давида Юма, Иосифъ Юмъ, былъ небогатый шотландскій помещикъ, владѣвшій небольшою фермой, расположенною въ Беркинширскомъ графствѣ. Это родовое имѣніе Юмовъ носило названіе Ninewalls (девять клочковъ), благодаря довольно значительному восточнику, орозовавшему покатый дугъ передъ домомъ и грядущему въ ближайшую рѣку Уайтадеръ. Мать Юма, дочь президента Юридической Коллегіи, Сера Фоллонера, характеризуется и своими дѣтьми, и знавшими ее современниками, какъ женщина замѣчательная и какъ лучшая изъ матерей.

26-го апрѣля 1711 года у Иосифа Юма и жены его, гостившихъ въ Эдинбургѣ, родился третій ребенокъ, Давидъ; вскоре затѣмъ скончался самъ отецъ семейства, оставивъ на рукахъ своей жены двухъ малолѣтнихъ сыновей и дочь.

Въ автобіографіи Давидъ Юмъ разсказываетъ о своихъ родныхъ слѣдующее: «Моя семья была небогата; а такъ какъ я былъ меньшимъ братомъ, то моя доля

въ отцовскомъ наслѣдствѣ была, разумѣется, очень незначительна. Отецъ мой, имѣвшій репутацію талантливаго человека, умеръ во время моего дѣтства, оставивъ меня, старшаго брата и сестру на попеченіе матери, женщины, обладавшей замѣчательными достоинствами, — будучи еще молодой и красивой, она вообще посвятила себя уходу за своими дѣтьми и воспитанію ихъ».

Талантливый біографъ Д. Юма, Бертонъ, говоритъ, что, судя по портрету, наружность г-жи Юмъ была очень пріятна и обнаруживала большую тонкость ума. Проницательная и очень добра, домовитая и практичная во всѣхъ своихъ поступкахъ, женщина эта передала младшему сыну главные черты своей нравственной личности, и въотъорые біографи (напр. Гиссли), быть можетъ, не безъ основанія предполагаютъ, что Давидъ Юмъ унаслѣдовалъ отъ своей матери тѣ качества, которыми главнымъ образомъ обуславливались его успѣхи на поприщѣ философской дѣятельности. Интересно, что въ данномъ случаѣ послѣдственность произошла и въ физической организаціи, одинаковой у матери и у сына: оба умерли отъ одной и той же болѣзни. Такимъ образомъ изъ лицъ Д. Юма мы имѣемъ еще однимъ примѣромъ больше для сторонниковъ той теоріи, что сынъ наслѣдуетъ отъ матери ея способности, и что у многихъ замѣчательныхъ и талантливыхъ дѣтелей отцы были самыми обыкновенными, посредственными людьми, а матери отличались замѣчательными умственными дарованіями и выдавались изъ среды со-
временныхъ имъ женщинъ.

Интересенъ сохранившійся расказъ о томъ, какъ охарактеризовала г-жа Юмъ своего меньшаго сына въ дни его юности: «У нашего Дэви — сказала она, — превосходный характеръ, но онъ удивительно слабъ умомъ». Первая часть этого сужденія блестяще оправдалась во всей послѣдующей жизни «Дэви», но откуда

вывела проникательная мать-воспитательница свое второе заключение?—вот вопрос интересный и загадочный... Не говоря о томъ, что Давидъ Южъ въ своей ученой дѣятельности обнаружилъ способности настоящего умственного атлета, мы должны признать за него большой даръ практической мудрости и замѣчательную выдержку въ исполненіи принятыхъ имъ рѣшеній. По всей вѣроятности, проявленіемъ «слабости» въ своемъ смыслѣ г-жа Южъ считала то, что онъ выбралъ себѣ ненадежную и невыгодную карьеру научнаго дѣятеля. Можетъ быть также, что рѣшое сужденіе матери въ данномъ случаѣ было возможно рано обнаружившееся склонностью Южа никогда не увлечься ни въ какую сторону; во всякъ случаѣ утѣнахъ и поступкахъ онъ проявлялъ обыкновенно ту сдержанную умѣренность, которая хотя и зовется «золотой» серединой, но тѣмъ не менѣе внушаетъ невысокую оцѣнку, какъ способностей, такъ и стремленій подобнаго «посредственнаго дѣятеля».

О первоначальномъ воспитаніи и образованіи Южа до насъ дошли очень скудные свѣдѣнія: извѣстно, что двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ отданъ въ греческій классъ Эдинбургскаго университета, гдѣ и оставался около трехъ лѣтъ, т. е. до окончанія курса, который въ то время былъ ограниченъ тремя или четырьмя зимними семестрами, по шести мѣсяцевъ каждый. Вѣроятно именно къ этому школьному періоду жизни Южа относятся слѣдующія слова его: «Съ успѣхомъ прошелъ я обычный курсъ ученія и очень рано почувствовалъ влеченіе къ наукамъ, которое было главнѣйшею страстію моей жизни и высшимъ источникомъ моихъ удовольствій».

Слѣдующія шесть, семь лѣтъ своей жизни Южъ употребилъ какъ-бы на подготовленіе къ той работѣ, которая должна была затѣмъ сосредоточить на себѣ

всѣ его способности, выразить всѣ его взгляды и убѣжденія и сдѣлать его первымъ видимымъ шагомъ на пути общественной дѣятельности. Страннымъ можетъ показаться такое раннее, какъ-бы преждевременное, развитіе ума будущаго философа, а между тѣмъ такъ было на самомъ дѣлѣ: шестнадцатилѣтній юноша въ своихъ письмахъ высказываетъ тѣ мысли, которыя служатъ прямыми намеками на суть его будущихъ замѣчательныхъ теорій; въ своихъ занятіяхъ неопытный школьникъ сразу беретъ за то, что впоследствии служитъ ему основаніемъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій, и кладетъ замѣтный отпечатокъ и на внѣшнюю, и на внутреннюю сторону его сочиненій. Удивительная опредѣленность стремленій и устойчивость замѣченного образа дѣйствій отличали Юма съ раннихъ лѣтъ его сознательной жизни и была, конечно, главной причиною того, что вся личность его въ глазахъ биографовъ получала яркую окраску сильнаго характера, стойкой натуры.

Периодъ отъ 16-ти до 22-хъ лѣтъ въ жизни каждого человѣка сопровождается формированіемъ его духовной личности. Правда, интеллектуальная жизнь свойственна въ высшей степени каждому возрасту, начиная съ младенческаго; но правда также и то, что лишь въ эпоху юношества, т. е. именно съ 15-ти, 16-ти лѣтъ, эта умственная жизнь начинаетъ выливаться нѣтъ подъ окомъ чужихъ помысловъ и убѣжденій, внушаемыхъ, какъ воспитателями, такъ и другими близкими людьми; лишь въ эту пору юноша начинаетъ и разсуждать «по своему», и увлекаться «своими» интересами, и кратко-вѣстъ то, что раньше принималъ на веру изъ окружающаго міра.

Посмотримъ же, чѣмъ ознаменовался въ жизни Юма важный періодъ юношества. Предоставленный самому себѣ по окончаніи университетскаго курса, онъ сосредоточенно и уединенно прожилъ шесть лѣтъ, проводя

ными въ Эдинбургѣ, а лѣтніе мѣсяцы въ своемъ помѣстьѣ. Любопытный умъ и жажда ученія, лишь возбужденная, но не удовлетворенная прохожденіемъ университетскаго курса,—сразу опредѣлили родъ занятій Юма: онъ принялся за чтеніе, останавливать свой выборъ на древнихъ классикахъ и на тѣхъ представителяхъ философіи и поэзіи, которые зашли въ довольно-малой семейной библіотекѣ Юмовъ. Была полное основаніе заключить, что главнымъ источникомъ мудрости для Юма послужили въ эту пору сочиненія римскихъ стоиковъ. Быстро усвоилъ себѣ Юмъ суть ихъ системъ и тѣ философскіе вопросы о нравственности и о познаніи, которые ставились и рѣшались въ произведеніяхъ стоиковъ. Эти занятія не прошли безслѣдно для будущей дѣятельности Юма: если его философю и можно считать разившеюся изъ ученія Локка, все же несомнѣнно, что въ первоначальномъ своемъ физисѣ философскія взгляды Юма возмужали и развились, главнымъ образомъ, благодаря изученію греческихъ и римскихъ писателей. Блженіе Цицерона, Сенеки и Плутарха сильно проявляется и въ постановкѣ различныхъ философскихъ проблемъ, и въ самомъ слогѣ многихъ произведеній Юма.

Поглощенный важными занятіями, юный Давидъ относился довольно безучастно къ тому, что составляло обстановку его жизни въ родовомъ имѣніи, а между тѣмъ эта обстановка была далеко не безынтересна: графство, въ которомъ жилъ Юмъ, богато садами и интересными преданіями о набѣгахъ и разбояхъ семнадцатаго столѣтія; таинственными и краснорѣчивыми свидѣтелями этихъ приключеній и по сю пору остаются башни и крѣпости, разсѣянные по берегамъ рѣкъ Твидъ и Айрау. Странно, что даже въ тѣ годы, когда все необыкновенное и романтическое возбуждало и разгорачивало юное воображеніе, — даже въ эти годы Юмъ не былъ ни на йоту романтикомъ и не нахлестывалъ обычной

даннѣишему энтузіазму. Все, на что обращалъ Юмъ свое вниманіе и на чемъ онъ сосредоточивалъ свой интересъ—это поэзія; съ этой лишь точки зрѣнія онъ обсуждалъ тѣ предметы и явленія, на которыхъ останавливался его проницательный взглядъ. Трудно представить себѣ болѣе безстрастный темпераментъ, менѣе увлекающуюся натуру. Въ своей прозаичности Юмъ доходилъ даже до полного непониманія красоты и до неумѣнья наслаждаться ею. Живопись, скульптура и музыка рѣшительно не существовали для этого сухого и строгая мыслителя, а изъ своихъ сужденій о крупнѣйшихъ литературныхъ произведеніяхъ онъ обнаруживалъ такое отсутствіе художественнаго чувства, такую пристрастную и несправедливую оцѣнку, коія рѣшительно трудно постигнуть въ человѣкѣ, способномъ къ самымъ остроумнымъ и мѣткимъ сужденіямъ, разъ дѣло касалось социальной и политической философіи. Но именно эта односторонность и кажущееся несовершенство дарованій Юма и составляли силу этого философа; они-то главнѣйш. образомъ и придали цѣльность, опредѣленность и законченность его теоріямъ.

Итакъ, юноша Юмъ, погруженный въ изученіе древнихъ поэтовъ и философовъ, съ увлеченіемъ продолжалъ развивать свой умъ и пополнять пробѣлы рано законченнаго школьнаго образованія. Поэды своихъ самостоятельныхъ размышленій, оригинальныхъ и глубокихъ уже изъ эту раннюю пору жизни, Юмъ вылагалъ въ краснорѣчивыхъ посланіяхъ къ своимъ друзьямъ; такъ напр., въ одномъ изъ писемъ, адресованныхъ Митчелу Рамзею, шестнадцатилѣтній Юмъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Я живу по-царски, главнѣйш. образомъ для самого себя, въ бездѣйствіи и въ нѣкоторыхъ болѣзней. Я предвижу впрочемъ, что это состояніе не будетъ продолжительнымъ. Мѣръ души моей недостаточно гарантирована философіей отъ ударовъ судьбы.

Истинное величіе и возвышенность духа можно найти только въ изученіи и въ созерцаніи; только они могутъ научить насъ презирать случайности человеческой жизни. Вы понимаете, конечно, что, рассуждая подобнымъ образомъ, я говорю, какъ философъ; объ этомъ предметѣ я много размышляю и могъ-бы толковать о немъ цѣлый день».

Воздавая должное и серьезнымъ мыслямъ, и возвышенному тону этого письма, мы должны прибавить, впрочемъ, что пренебрежительное отношеніе къ матеріальнымъ благамъ и пратическимъ интересамъ нерѣдко встрѣчается у юношей, ведущихъ уединенную, созерцательную жизнь и много читающихъ; въ письмѣ-же Юма особенно характерно то мѣсто, гдѣ онъ выражаетъ свое влеченіе къ философіи. Слово: «объ этомъ предметѣ я много размышляю», отнюдь не было преувеличеніемъ. Занятія Юма въ это время не ограничивались однимъ чтеніемъ знаменитыхъ мыслителей; способность и склонность къ критикѣ пробудились въ немъ при первомъ же ознакомленіи съ изреченіями прежнихъ временъ; онъ смѣло разбивалъ всѣ авторитеты и взглянулъ въ глубину ихъ ученій, несколько не ослѣпавъ ни словомъ, ни общепразнаннымъ величіемъ этихъ твореній. Найдя все измышленное прежними философами недостаточно опредѣленнымъ и плохо обоснованнымъ, Юмъ со всею пылостью юности, на какой была способна, пошелъ на встрѣчу тѣмъ открытіямъ, которыя оставалось сдѣлать въ области мысли. Поэтому-то, на ряду съ чтеніемъ, семнадцата-и восемнадцатилѣтній Юмъ беретъ и за перо; онъ изводитъ массу бумаги на самые разнообразныя мысли и даже пытается написать нѣчто законченное въ видѣ «Очерковъ», «Опытовъ» и т. д. Какъ-бы ни были несовершенны и мало отдѣланы эти писательскія попытки юноши, все же въ нихъ можно

найти зачатки тіхъ мыслей и даже того метода, которые впоследствии составили славу Юма.

Мирныя и любимыя занятія Юма въ эпоху его юности два раза нарушались рѣзкими и неудачными попытками его родныхъ направить Давида на практическое поприще. Семнадцатилѣтняго Юма задумали сдѣлать законодѣлемъ и заставили его изучать юридическія науки. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ Юма могъ выйти замѣчательный юристъ. Но мѣлкію Бертона, онъ обладалъ, всѣми необходимыми для того качествами, — ясностью сужденія, способностью быстро осмысливаться съ сущностью дѣла, неутомимое дѣятельностью и замѣчательной дилектикой. Но Давидъ былъ слишкомъ поглощенъ другими идеями для того, чтобы онъ могъ отдаться изученію познаній черепъ-чуръ профессиональнаго характера: Юмъ мечталъ о великомъ литературномъ твореніи, которое произведетъ переворотъ въ области философіи и создастъ ему мировую извѣстность; понятно, какіъ жадно казался ему въ сравненіи съ этими успѣхами среди англійскихъ адвокатовъ или членовъ парламента. «Въ то время, какъ мои родные думали, что я изучаю Вета и Ваниа, а тайкомъ пожиралъ Циперела и Виргилія», говоритъ о себѣ Юмъ.

Это подпольное приготовленіе Юма къ юридической дѣятельности продолжалось всего годъ, а затѣмъ онъ снова былъ предоставленъ самому себѣ и безъ помѣхи пражался за своихъ любимыхъ писателей. Но черепъ-чуръ напряженная умственная дѣятельность юнаго философа не прошла для него даромъ. На восемнадцатомъ году здорѣнье Юма сильно пошатнулось; появлялись упадокъ духа и валое отношеніе даже къ тому, чѣмъ раньше онъ занимался съ такимъ жаромъ. Давидъ понялъ, что ему необходимо хорошенько отдохнуть и окупѣнуть тѣлесно и умственно прежде, чѣмъ приняться за то серьезное сочиненіе, которое

онъ задумалъ. Это привело его къ рѣшенію послушаться совѣтовъ своихъ родственниковъ и круто пережизнить образъ жизни; въ 1734 году, заручившись важными рекомендательными письмами, Юмъ отправился въ Бристоль, надѣясь устроиться въ конторѣ одного изъ тамошнихъ коммерсентовъ. «Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, — говоритъ Юмъ въ своей автобіографіи, — я нашелъ, что этотъ родъ дѣятельности совершенно не подходитъ для меня». Такъ и слѣдовало ожидать. Жизнь и коммерческія занятія въ Бристолѣ не оказали живого вліянія на Юма, и эпизодъ этотъ можно было-бы считать оббитымъ жемчужиной, если-бы онъ еще явше не отрицалъ того, что никакія временныя уклоненія не могли заставить Юма забыть намѣченную имъ цѣль, не могли отвлечь его отъ великихъ думъ и стремленій, вострою озадачившихъ его юнымъ существомъ. Сколько времени провѣлъ Юмъ въ Бристолѣ, это — вопросъ, на который трудно отвѣтить съ точностію. Въ автобіографіи Юма есть намекъ на то, что пребываніе его въ Бристолѣ ограничилось всего двумя мѣсяцами; въ другихъ же сочиненіяхъ, между прочимъ въ «Мемуарахъ» Анны Меръ, говорится, что Бристольскій торговецъ Фальмеръ, Пачъ, пользовался общеніемъ съ Юмомъ втеченіи двухъ лѣтъ. Какъ-бы то ни было, первый выборъ практической дѣятельности былъ сдѣланъ неудачно; Юмъ рѣзко порвалъ сношенія съ чуждымъ ему кружкомъ коммерсентовъ и уѣхалъ изъ Бристоля во Францію, ища здѣсь отъ родины тѣхъ же уединенія, въ которомъ онъ безъ помѣхи могъ-бы предаться своимъ ученымъ занятіямъ.

Чтобы покончить съ юношескимъ періодомъ жизни Юма, намъ слѣдуетъ упомянуть объ ~~этомъ~~ ^{одномъ} важномъ письмѣ этого философа, — письмѣ, написанномъ имъ въ Лондонѣ, гдѣ онъ останавливался на пути изъ Шотландіи въ Бристоль. Незнакомое, кому предна-

значалось это посланіе; въ бумагахъ Юма оно сохранилось подъ обозначеніемъ: «письмо къ врачу». Самъ авторъ письма напоминаетъ его: «Ничто вродѣ исторіи моей жизни», и уже по одной этой причинѣ оно имѣетъ право на наше вниманіе; искренній и сердечный тонъ письма всего лучше будетъ виденъ, если мы приведемъ цѣликомъ главныя мѣста его.

«Я долженъ сказать Вамъ, — пишетъ Юмъ, — что съ самаго ранняго дѣтства у меня было сильное влеченіе къ книгамъ и письмамъ. Такъ какъ наше классическое образованіе въ Шотландіи, — не идущее впрочемъ далѣе изученія латини, — обыкновенно оканчивается въ четырнадцать-или пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ, то по окончаніи курса мнѣ представлялась полная свобода въ выборѣ чтенія; скоро я убѣдился, что меня въ разной степени влекутъ къ себѣ, какъ философскія книги, такъ и произведенія поэтическія и словесныя. Тотъ, кто изучалъ философію или критику, знаетъ, что ни въ одной изъ этихъ областей нѣтъ ничего прочно установленнаго, и что онѣ, даже въ самыхъ существенныхъ частяхъ своихъ, заключаютъ главнымъ образомъ безконечныя диспуты. Изучивъ ихъ, я почувствовалъ, что во мнѣ зарождается и крѣпнеть сила духа, не располагающая меня склониться передъ тѣмъ или другимъ авторитетомъ, а напротивъ возбуждающая искать каковаго-либо новаго средства для установленія истины. Послѣ цѣлаго ряда заматій и долгихъ размышленій объ этомъ предметѣ, когда я достигъ восемнадцатилѣтняго возраста, мнѣ стало наконецъ казаться, что передо мной открылась совершенно новая арена мысли; это сознаніе безмѣрно обрадовало меня, и съ жаромъ, свойственнымъ молодымъ людямъ, я отклонялъ всякое удовольствіе, всякое другое занятіе, рѣшившись всецѣло отдаться своимъ размышленіямъ. Карьера, которую я намѣревался было избрать, —

юриспруденція, жи́ть опротивѣла, и я началъ думать, что единственный путь, на которомъ для меня возможно уцѣлѣть,—это стать ученымъ (scholar) и философомъ. Этотъ образъ жизни доставлялъ мнѣ безконечное счастье втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; но въ сентябрѣ 1729 г. я почувствовалъ, что мой первоначальный пылъ остываетъ, и что я не могу болѣе поддерживать свой духъ на той высотѣ, на которой до сихъ поръ онъ испытывалъ величайшія наслажденія».

Сперва Юнг приписалъ этотъ упадокъ духа проявленію лѣности и втеченіе девяти мѣсяцевъ работалъ съ удвоеннымъ стараніемъ, но такъ какъ это не поправило дѣла, то онъ пришелъ къ другому заключенію: на него произвели сильное впечатлѣніе чудные образы добродѣтели, собранные въ произведеніяхъ Цицерона, Сенеки и Плутарха, и юноша не щадилъ себя, усиливался дисциплинировать свой нравъ, свою волю и подчинить ихъ разуму.

«Я старался,—говоритъ далѣе Юнг,—укрѣпить свой духъ размышленіемъ о смерти, о бѣдности, о безчестіи, о страданіи и прочіихъ жизненныхъ бѣдствіяхъ. Бѣтъ сомнѣнія, всѣ эти размышленія очень полезны, когда преемодѣляются въ дѣятельной жизни, потому что въ этомъ случаѣ представляется возможность дѣйствовать согласно съ нашими мыслями, и тогда эти мысли проникаютъ въ нашу душу, оставляя въ ней глубокой слѣдъ. За то въ уединенной, бездѣятельной жизни онѣ только разсѣиваютъ и нипураютъ умъ, потому что душевныя силы наши, не встрѣчая никакого сопротивленія извнѣ, какъ-бы теряются въ пространствѣ,—ощущеніе, подобное тому, какое мы испытываемъ, когда наша рука производитъ ударъ въ пустотѣ». Далѣе Юнг говоритъ въ томъ-же письмѣ: «Я замѣтилъ, что нравственная философія древнихъ отличалась тѣмъ-же недостаткомъ, что и ихъ философія

природы, — а именно, она была совершенно гипотетична, основывалась болѣе на выдумкахъ, нежели на опытѣ. Каждый философъ обращался только къ помощи своего воображенія для того, чтобы установить ученье о добродѣтели и о счастіи, но не изучать при этомъ человеческой природы, а между тѣмъ на этомъ-то изученіи и должны основываться всѣ теоріи нравственности».

Любопытный психологическій кризисъ переживался Юмомъ въ ту эпоху, о которой онъ такъ просто и вѣстѣ краснорѣчиво рассказываетъ въ приведенномъ нами письмѣ. Юноша, одаренный сильнымъ полетомъ мысли и замѣчательной способностью критики, подмѣтилъ слабыя стороны разбираемыхъ имъ философскихъ ученій; объединить свои замѣчанія и составить изъ нихъ систематическое опроверженіе прежнихъ вѣрваній, — на это у юного философа нашлись и умиленіе, и достаточная увѣренность въ своихъ силахъ. Но разрушенныя старыя гдѣнія при своемъ паденіи открыли широкій горизонтъ, и отвлеченный мыслитель ринулся на эту «новую арену мысли», пытаясь заложить на ней основаніе такой самостоятельной работы, которая своею прочностью превзошла-бы всѣ предшествовавшія. Но тутъ и сказавалась вся разсудительность Юна, вся неспособность его увлекаться до самозабвенія. Критически относясь къ другимъ, онъ не падалъ и себя; онъ прекрасно понималъ, что, ведя уединенную, созерцательную жизнь и не обладая при этомъ достаточными познаніями въ области экспериментальныхъ наукъ, онъ не сможетъ создать такихъ нравственныхъ теорій, которыя основывалась-бы на изученіи человеческой природы. Приходилось еще многое узнать и многому научиться, а юношеское воображеніе уже предвкушало всю прелесть творческой работы мысли... При такомъ настроеніи по-

пивно и разочарованіе въ своихъ качествахъ, умствен-
ныхъ и нравственныхъ, пошатнуто и палое, индифферент-
ное отношеніе къ той работѣ, результатъ которой такъ
обманулъ Юма.

Найтъ характеризуетъ это настроеніе молодого Юма
«умственной хлостью»; мнѣ кажется, что въ этомъ
случаѣ правда на сторонѣ Гексли, который называетъ
апатію и ненормальное душевное состояніе нашего фи-
лософа «кризисомъ». Да, кризисъ, послѣ котораго изъ
организмѣ больного совершился благотворительный пере-
ломъ, и началось быстрое и уже безостановочное раз-
витіе замѣчательныхъ способностей Юма.

II.

Первая поездка во Францію; философскія занятія Юма и плоды ихъ. — „Трактаты о человеческой природѣ“. Первоначальныя судьбы этого произведенія; авторское самозабвеніе Юма. Второе литературное произведеніе Юма — „Опыты критики, политическія и литературныя“. Жизнь въ домѣ жеромъ Александеръ. Прощанье съ книж.

Направившись изъ Бристоля во Францію, Юмъ постигъ прежде всего Парижъ, затѣмъ провелъ нѣкоторое время въ Реймсѣ и наконецъ поселился въ небольшомъ мѣстечкѣ «la Flèche», гдѣ и оставался два года, изъ числа трехъ лѣтъ своего перваго пребыванія во Франціи. Повидимому, Юмъ былъ очень доволенъ тѣмъ образомъ жизни, который онъ велъ въ избранномъ имъ уединенномъ мѣстѣ. По его словамъ, здѣсь ему удалось устроить себѣ тотъ режимъ, котораго онъ давно и упорно добивался: «Я старался, — говоритъ Юмъ, — только о томъ, чтобы сохранить свою независимость, и не обращать вниманія ни на что, кромѣ усовершенствованія моихъ литературныхъ способностей». Впрочемъ изъ своего убѣжища Юмъ, очевидно, слѣдилъ и за событіями современной жизни, такъ какъ и въ его первомъ философскомъ трудѣ, и въ позднѣйшихъ «Опытахъ» мы находимъ мысли относительно сущности чуждѣсь и возможности совершенія ихъ. Разсужденія эти были вызваны тѣмъ, что во время пребыванія Юма въ Ляфлетѣ общественное мнѣніе Франціи было сильно возбуждено

рассказами о чудесахъ, совершившихся въ Парижѣ на могилѣ Иосифинскаго аббата. Разумѣется Юмъ оспаривалъ, какъ возможность, такъ и реальность этихъ чудесъ. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ никакихъ дѣйствительныхъ свѣдѣній о томъ, какъ проводилъ время Юмъ итеніе своего двухлѣтняго пребыванія въ Ляфлешѣ. Известно только, что 25-ти лѣтъ Юмъ окончилъ большое сочиненіе «Трактаты о човѣческой природѣ» (*Treatise on Human Nature*), составляющее главный и наиболѣе цѣнный вкладъ Юма въ философскую литературу. Такъ какъ, по словамъ самого автора, онъ задумалъ и началъ этотъ трудъ еще живя въ Шотландіи, а затѣмъ продолжалъ его въ Реймсѣ, то мы не ошибемся, предположивъ, что въ Ляфлешѣ Юмъ занялся лишь окончательной обработкой своего «Трактата», т. е. систематизированіемъ матеріала, литературной отдѣлкой его и т. д. Не безъ повода бы говорить Юмъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что «Трактатъ о човѣческой природѣ» онъ написалъ въ возрастѣ отъ 21 года до 25 лѣтъ, — фактъ, тѣмъ болѣе удивительный, что упомянутое сочиненіе отличается замѣчательными достоинствами: превосходной литературной формой, несравненной простотой и ясностью изложенія, соединенными съ глубиной мысли. Рѣшительно ни одно философское сочиненіе, настолько зрѣлое, обдуманное и превосходное во всѣхъ своихъ деталяхъ, не было написано такимъ юнымъ авторомъ. Замѣчательно, что въ этомъ произведеніи Юмъ высказалъ наиболѣе глубокія, наиболѣе оригинальныя мысли, такъ что позднѣйшіе его труды, быть можетъ, болѣе совершенные по формѣ и по строенію, представляютъ по содержанию лишь бѣдные копія съ того великаго произведенія, которымъ Юмъ дебютировалъ на поприщѣ философской литературы.

Въ сентябрѣ 1737 года Юмъ отправился въ Лондонъ для того, чтобы хлопотать тамъ объ изданіи своего

«Трактата». Прежде всего однако онъ занялся пересмотрѣть и перекладкой своего сочиненія; нѣкоторая части его онъ совсѣмъ выпустилъ, другія сильно измѣнилъ, дѣлая все это для того, чтобы приготовить возможно лучший пріѣздъ для своего дѣтца. Своему родственнику, Генри Гому, онъ писалъ объ этомъ слѣдующее: «Въ настоящее время я занимаюсь редактированіемъ моей книги, т. е. укрѣпленіемъ ея лучшихъ частей, стараюсь сдѣлать ее какъ можно менѣе оскорбительной». Въ другомъ письмѣ къ тому же Генри онъ говоритъ: «Я не могу доврять своему мнѣнію (о «Трактатѣ»), какъ потому, что оно слишкомъ близко касается меня самого, такъ и потому, что оно крайне нѣгично, и я никакъ не могу установить его: иногда я возношусь выше облаковъ, иногда же терзаюсь сомнѣніями и страхами».

Наконецъ Юмъ заключилъ формальное условіе съ издателемъ Джономъ Нунъ и передалъ ему свою рукопись, а самъ въ сентябрѣ 1733 г. удалился въ свое родовое имѣніе, чтобы тамъ, въ деревенской тишинѣ, ожидать новостей о своемъ успѣхѣ или паденіи. Два первыхъ тома сочиненія Юма были издамы въ январѣ 1739 г., а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уже можно было констатировать полный неуспѣхъ, который сопровождалось появленіемъ въ свѣтъ его перваго философскаго труда. Объ этомъ фактѣ Юмъ отзывается слѣдующимъ образомъ въ своей автобіографіи: «Никогда еще не было такого несчастнаго литературнаго предпріятія, каковымъ оказалось мое сочиненіе «Трактатъ о человѣческой природѣ»; оно погубило при самомъ появленіи своемъ на свѣтъ; на его долю не выпало даже чести возбужденія противъ себя ропота и извѣрованъ. Но такъ какъ по своей натурѣ я былъ сложенъ къ веселью и надеждѣ, то скоро оправился отъ этого перваго удара и, живя въ деревнѣ, съ понымъ жаромъ приваля къ своимъ занятіямъ».

Есть однако основаніе думать, что Юмъ вовсе не такъ легко примирился съ неудачей своего першаго опубликованнаго труда. Въ письмѣ отъ 1-го іюня 1739 года онъ говоритъ: «Я вовсе не расположенъ болѣе къ тому, чтобы писать подобныя сочиненія, такъ какъ изъ Лондона получалъ извѣстія о посредственномъ успѣхѣ моей философіи,—весьма посредственномъ, если судить о немъ по продажѣ книги, и если мой издатель заслуживаетъ доверія». Особенно огорчало Юма равнодушное и пренебрежительное отношеніе общества къ «Трактату о чловѣческой природѣ». Авторъ понималъ, какъ много смѣлыхъ и новыхъ мыслей заключало въ себѣ его сочиненіе; онъ ожидалъ, что онъ произведетъ цѣлую революцію въ мірѣ умственныхъ интересовъ; онъ приготовился къ неодолимому обскурантизмъ и заблаговременно придумывалъ средства и орудія для борьбы съ нимъ. Ничего этого не дождался самолюбивый философъ, задумавшій сразу произвести переворотъ въ области мысли. Тихая, вялая продажа вышедшихъ частей «Трактата», полное равнодушіе читателей, замалчиваніе критикомъ... Юму горькимъ опытомъ пришлось убѣдиться въ томъ, что возница его мыслей и взглядовъ чересъ-чуръ опередилъ разлитіе его современниковъ, и что большинство ихъ не находитъ ничего общаго, никакой связи между разсужденіями новаго философа и своими убѣжденіями и взглядами. Все это такъ разочаровало Юма и такъ расхолодило его философскій пылъ, что онъ рѣшилъ на время пережбнить родъ занятій и обратился къ изученію исторіи и къ социальнымъ вопросамъ.

Впрочемъ «Трактатъ» Юма не былъ совершенно обреченъ на забвеніе. Въ изданіи, называвшемся «Исторія трудовъ ученыхъ» («History of the Works of the Learned»), за ноябрь 1739 года, появилась критическая статья о сочиненіи Юма, въ которой къ этому произведенію

отнеслась внимательно и съ большимъ уваженіемъ. Авторъ этой записки неизвестенъ, но вѣроятно «онъ былъ челоѣкъ знающій и проницательный; трудъ Юма онъ сѣдилъ слѣдующимъ образомъ: «произведеніе это отиѣчено несомнѣннымъ и большимъ талантомъ; оно обнаруживаетъ вдохновеніе гениа, въ гениа еще молодого и недостаточно опытнаго». Юмъ былъ очень недоволенъ такой сѣдкой и въ письмѣ къ Геттесову жалуется на приведенный критическій отиѣвъ, называя его «оскорбительнымъ».

Въ исторіи первоначальныхъ неудачъ «Трактата о челоѣческой природѣ» много печальнаго по то, что это произведеніе было неслыхано современниками и критикой,—удивительно и обидно подѣлать въ Юмѣ жажду славы, очевидное желаніе добиться одобренія публики, хотя-бы то было одобреніе неискusstvenнаго большинства, а не избраннаго меньшинства. Въ своемъ желаніи быть понятымъ и одобреннымъ, Юмъ, какъ имъ видѣли, рѣшился даже на «уродованіе» своего труда. Первая измѣненіа въ немъ онъ сдѣлалъ еще въ 1737 г., отсылавъ манускриптъ своего «Трактата» на просмотръ епископу Беттлеру. Объ этихъ измѣненіяхъ онъ упоминаетъ въ письмѣ къ Генри Гому и прибавляетъ: «изъ этого есть доля мажорна, за которое я себя порицаю; но я рѣшился не быть энтузіастомъ въ философіи, тѣмъ болѣе, что самъ порицалъ другихъ энтузіастовъ». Въ концѣ концовъ Юмъ убѣдился, что всѣ его уловки и старанія въ этомъ направленіи тщетны, и что успѣхъ его философскаго произведенія остается пока несбытшей мечтой. Въ 1739 г. онъ писалъ изъ своего изѣнія: «Теперь я недоволенъ собой; но быть сомнѣнія скоро буду недоволенъ всѣмъ міромъ, подобно другимъ авторамъ-неудачникамъ».

Слѣдующія шесть лѣтъ (отъ 1739—1745 г.) Юмъ провелъ въ похѣстѣ Ninewells въ обществѣ своихъ

родникъ. Предавался обычнымъ научнымъ занятиямъ, Юмъ измѣнилъ области своихъ изслѣдованій: изъ чисто интеллектуальной сферы, въ которой относились два издавшихся имъ тома «Трактата», онъ обратился теперь къ этикѣ и занялся рѣшеніемъ нравственныхъ проблемъ. Плодомъ этихъ замѣтій была третья томъ «Трактата», издаанный въ 1740 г. По интересу самого сюжета и по талантливой обработкѣ его наиболее замѣчательна глава, въ которой Юмъ говоритъ о справедливости и несправедливости, выясняя при этомъ происхожденіе понятій закона и собственности.

Едва закончивъ изданіе трехтомнаго трактата, Юмъ снова выступилъ передъ публикой въ качествѣ автора перваго тома «Опытовъ нравственныхъ и политическихъ» («*Essays, Moral and Political*»), вышедшаго въ 1741 году; черезъ годъ за первымъ томомъ последовали и второй. Интересно, что изданіе это долго оставалось анонимнымъ: Юмъ не хотѣлъ давать своему новому труду имя, которое вѣстоу запомнивало-бы объ авторѣ «Трактата», такъ неудачно начинившемъ свое литературное поприще. «Опыты» Юма имѣли большой успѣхъ; уже въ концѣ 1742 г. первое изданіе ихъ разошлось, а спросъ все увеличивался, такъ что въ 1748 году появилось второе изданіе этого сочиненія, при чемъ даѣ главы были вынуждены и прибавлены три новыхъ. Во второмъ изданіи Юмъ назвалъ свой трудъ: «Опыты нравственные, политическіе и литературные» («*Essays, Moral, Political and Literary*»), и подъ этихъ заглавіемъ новое произведеніе Юма выдержало нѣсколько послѣдовательныхъ изданій. Итакъ, настойчивый авторъ добился желаннаго успѣха, который выразился на этотъ разъ и въ быстрой распродажѣ изданій, и въ одобреніи друзей и знакомыхъ Юма. Епископъ Бѣлгеръ, общедній молчаливецъ «Трактата о человѣческой природѣ», горячо рекомендовалъ новый трудъ Юма, какъ обра-

новое литературное произведение, написанное «ясно, сильно и полное блеска, интереса и остроумия». Действительно, нельзя не признать больших достоинств за «Опытами» Юма: въ явственныхъ или нѣтъ онъ высказываетъ такіе вѣскіе экономическіе сужденія и такъ удачно соединяетъ ихъ съ мудро разбѣнаемыми политическими вопросами, что этими размышленіями подготавливаетъ путь къ тому сочиненію Адама Смита («О народномъ богатствѣ»), которое считается главнымъ вкладомъ въ экономическую литературу восемнадцатаго вѣка. Но зато, какъ философское сочиненіе, «Опыты» далеко уступаютъ «Триггату», и современныя Юму философіи оказались близкими критиками, не угадавъ того серьезнаго значенія, которое имѣлъ его первый философскій трудъ, и предпочтя ему «Опыты» за ихъ литературныя достоинства и женскую рѣзкость взглядовъ.

Надавъ свое второе литературное произведение, Юмъ прожилъ 2—3 года въ Newcastle, занимаясь чтеніемъ и совершенствуясь въ греческомъ языкѣ, который, по его признанію, онъ зналъ недостаточно хорошо. Въ это время Юма окружали самые блестящіе представители современной ему шотландской интеллигенціи; между его друзьями было не мало людей, пользовавшихся крупной нѣбѣстностью въ мірѣ литературномъ и политическомъ, и Дэвидъ Юмъ съ удовольствіемъ посвящалъ свои досуги непосредственному общенію или же перепискѣ съ новыми друзьями. Однакоже въ положеніи Юма было кое-что, заставлявшее его сильно раздражаться: несмотря на успѣхъ «Опытовъ», онъ все еще не обладалъ такимъ опредѣленнымъ доходомъ, который обеспечивалъ-бы ему скромную, но независимую жизнь.хлопоты друзей Юма о предоставленіи ему паянтной катедры нравственной философіи въ Эдинбургскомъ университетѣ окончились неудачей, и въ 1745 г. Юмъ принялъ предложеніе юнга маркиза

Аннэцэля — жить съ нимъ въ качествѣ наставника и руководителя его образования. Странная и тяжелая жизнь выпала на долю Юна в теченіе года, проведеннаго имъ въ помѣстьяхъ семьи Аннэцэлей. Воспитателемъ Юна былъ жалкій, полупомѣшанный юношей, котораго разужбетенъ нельзя было ни учить, ни развивать такъ серьезно, какъ этого желалъ-бы воспитатель-философъ. Кромѣ того далъ молодого маркиза, заведенный всѣми дѣлами лорда Аннэцэлей, оказался очень дурнымъ человѣкомъ, и Юну пришлось перенести отъ него много несправедливыхъ обидъ. Безъ сомнѣнія одна матеріальная нужда и необходимость заработка заставляли Юна в теченіе долгаго года вести такой жалкій образъ жизни, но къ сожалѣнію его труды и терпѣніе не были вознаграждены ни въ какомъ смыслѣ: Аннэцэля не заплатили Юму условленнаго жалованья, и ему пришлось вести длинный процессъ, чтобы получить свой заработокъ съ богатей, имѣнія которыхъ оцѣнивались милліонами рублей. Интересно, что Юмъ велъ этотъ процессъ съ такою настойчивостью, которая помыслимому плохо мотивировалась значительной суммой, составлявшей жалованье Юна у Аннэцэлей. Это такъ болѣе удивляло друзей Юна, что процессъ затнулся до 1761 г., а въ это время нашъ философъ былъ уже хорошо обеспеченнымъ человѣкомъ, и всякій другой на его мѣстѣ давно жалнулъ-бы рукой на такую ничтожную тяжбу. Но у Юна было высоко развито чувство законности и справедливости, — то чувство, которое удерживаетъ человѣка отъ посягательства на все ему не принадлежащее, но за то и побуждаетъ неуклонно отстаивать свои законныя права. Относительно тяжбы съ Аннэцэлями неизвѣстно даже, получили-ли Юмъ слѣдуемая ему деньги; но онъ выигралъ свой процессъ, т. е. отстаивалъ передъ закономъ свои права, что и было его главной цѣлью.

III.

Военная экспедиція генерала Сент-Клера.—Путешествіе Юма въ Европу.—Изданіе „Философскихъ опытовъ и политическихъ уѣвъ“.—Смерть г-жи Юма.—Жизнь Юма въ Единбургѣ.—Изданіе „Настѣдожиціи принципамъ нравственности“ и „Политическихъ рѣчей“.—Поѣздка Юма на дѣловыя свѣдѣнія въ Шотландію въ Единбургѣ.—Историческіе труды Юма.—Изданіе переклада томова „Historia“ Анниа — Переводъ съ Локка и комментаріи въ Единбургѣ.

Въ 1746 г. генералъ Сент-Клеръ, начальникъ военной экспедиціи, отправившагося изъ Англіи въ Канаду (по ограниченіишемся за дѣль крейсированіемъ вокругъ береговъ Франціи), прислалъ Юма занять при немъ мѣсто секретаря и юрисконсульта. Юмъ почти безъ раздумья принялъ предложеніе Сент-Клера и такимъ образомъ выступилъ въ составъ экспедиціи, преслѣдовавшей въ сущности безчестныя цѣли: набѣги на мирныхъ прибрежныхъ жителей и разореніе ихъ деревень. Единственная выгода, которую могъ извлечь Юмъ изъ своего участія въ такомъ предпріятіи, было пріобрѣтеніе опытности въ дѣлахъ юридическихъ и политическихъ, что впоследствии очень пригодилось ему, какъ историку. Въ своихъ письмахъ къ сестрѣ и брату Юмъ выражалъ удовольствіе по поводу того, что ему приходится видѣть настоящую «кампанію»; но скоро философъ изкушалъ въ новой для него обстановкѣ, и его

сильно хотѣло вернуться «къ дорогимъ друзьямъ-книгамъ, къ сельскому досугу и уединенію».

По окончаніи экспедиціи Юмъ вернулся къ своимъ роднымъ, которые съ большимъ радушіемъ встрѣтили самаго младшаго члена своей семьи, предоставивъ ему полную возможность отдыха и свободнаго занятія любимыми трудами.

Въ 1748 г. жарная деревенская жизнь Юма была вторично нарушена приглашеніемъ Сентъ-Клера. На этотъ разъ генералъ получалъ важную военную миссію при дворахъ вѣнскомъ и туринскому; сохранять самымъ хорошимъ воспитанникія объ Юмѣ, какъ умномъ и дѣлательномъ секретарѣ, Сентъ-Клеръ настойчиво просилъ его снова занять эту должность. Сначала Юмъ колебался: приходилось опять расставаться съ тихимъ уединеніемъ и съ любимыми книгами; но скорошло верось то соображеніе, что для задуманныхъ историческихъ трудовъ будетъ въ высшей степени полезно ознакомиться съ тѣмъ, что происходитъ въ сферахъ придворной и дипломатической, — и Юмъ еще разъ отлагаетея отъ научныхъ трудовъ для того, чтобы занять оффиціальное положеніе при военномъ посольствѣ. Такъ какъ Сентъ-Клеръ скоро назначилъ Юма своимъ адъютантомъ, то философу пришлось надѣть военную форму, которая, по словамъ современниковъ, совсѣмъ не шла къ его неуклюжей, тучной фигурѣ.

Путешествіе Юма съ генераломъ С.-Клеромъ продолжалось около года, притѣмъ имъ удалось побывать въ Голландіи, проѣхать по Рейну, посѣтить Франкфуртъ, Вѣну и затѣмъ черезъ Тироль проѣхать въ Туринъ. Въ дневникахъ и письмахъ, которыя Юмъ присылалъ изъ за-границы своему брату, философъ остается вѣрнымъ себѣ: ни красоты природы, ни величавые остатки средне-вѣковой культуры, ни чудныя произведенія искусства не привлекали вниманія Юма, который нигдѣ не об-

могъ былъ въ одномъ словѣ о видѣнныхъ имъ чудесахъ. За то онъ дѣлаетъ мѣткія и истрѣныя наблюденія надъ бытомъ и жизнью тѣхъ государствъ, черезъ которыя лежалъ его путь. Такъ напр., о Германіи онъ сказалъ: «если она когда-либо объединится, то станетъ самой могущественной державой». Мнѣніе это оказалось истощающимъ предвидѣніемъ событій современной намъ исторіи. На историко-критическіе взгляды Юма его побуждалъ съ Сент-Клеромъ живая несогласованность и притомъ полезное вліяніе. Сношенія съ чужими людьми и ознакомленіе съ реальною политическою жизнью показали Юму, какъ много значить въ жизни народа его внутреннія силы; онъ убѣдился въ томъ, что именно эти силы, а не случайныя успѣхи на полѣ битвъ создаютъ истинное развитіе и прогрессъ въ государственной жизни.

Во время пребыванія Юма въ Италіи, въ 1748 г., были изданы его «Философскіе опыты о человеческомъ умѣ» («Philosophical Essay concerning Human Understanding»), получившіе второе изданіе (въ третьемъ изданіи) заглавіе: «Исслѣдованіе о человеческомъ умѣ» («An Inquiry concerning Human Understanding»), подъ которымъ онъ и известенъ до сихъ поръ. Первое изданіе этого сочиненія было анонимное; во второмъ изданіи Юмъ сообщилъ свое имя, а послѣдѣ прибавилъ къ этому произведенію предисловіе, въ которомъ выразилъ желаніе, чтобы читатели только на это «Исслѣдованіе» смотрѣли, какъ на сочиненіе, выражающее чувства и философскіе принципы автора, и чтобы оно совершенно заступило мѣсто «Трактата», который таинств. образомъ авторомъ обрабадался на полное забвеніе. Здѣсь мы встречаемся съ очень страннымъ, но часто повторяющимся явленіемъ: авторъ обнаруживаетъ какъ непониманіе истинныхъ достоинствъ своего лучшаго труда, такъ и необъяснимое предпочтеніе, которое онъ оказы-

ваетъ другому труду, несравненно болѣе слабому. «Исслѣдованіе о человѣческомъ умѣ» представляетъ собою изложеніе или «Трактата», сдѣланное Юмомъ съ цѣлю большей популяризаціи своихъ идей. Правда, по литературной, общедоступной и даже изящной формѣ «Исслѣдованіе» превосходитъ «Трактатъ»; но въ этомъ и все преимущество перваго предъ послѣднимъ. Въ письмахъ къ своему другу Гильберту Эммонсу Юмъ говоритъ: «Я думаю, что «Философскіе опыты» содержатъ все важнѣйшія наблюденія, которыя мы могли найти въ «Трактатѣ». Поэтому я просилъ-бы васъ не читать этого послѣдняго. Сокращая и упрощая рассужденія въ немъ, я въ сущности дѣлаю ихъ болѣе полными. *Addo dum minus* (сокращая, прибавляю). Философскіе же принципы одни и тѣ-же въ обѣихъ книгахъ».

Юмъ былъ тѣмъ-то разъ неправъ въ этомъ преобрѣненіи въ «Трактату» и въ желаніи замѣнить его «Исслѣдованіемъ», которое имѣло, какъ философское сочиненіе, сущностно уступаетъ юновскому произведенію Юма. Разумѣется оно выражаетъ и чувства, и философскіе принципы Юма, но это произведеніе лишено того методическаго и научнаго характера, который такъ строго выдержанъ въ «Трактатѣ». Мысли Юма въ «Исслѣдованіи» выражены въ разбросанныхъ отрывкахъ; онѣ страдаютъ бѣдностью и неполнотой развитія; вся важность ихъ почувствуется лишь по прочтеніи «Трактата», который запечатлѣнъ всей искренностью, всей оригинальностью и глубиной перваго труда. «Философскіе опыты» были написаны Юмомъ для того, чтобы сдѣлать какъ можно доступнѣе для пониманія свою философскую систему, т. е. чтобы вульгаризировать ее, а при такомъ приспособленіи къ умственному уровню большинства читателей приходится жертвовать многими, иногда лучшими чертами научнаго труда. Вотъ почему, по мнѣнію Паллона, «Философскіе опыты» Юма никакъ

не могут служить заглавием его «Трактата»; их слѣдуетъ разсматривать лишь какъ дополненіе къ нему, — дополненіе, правда, очень цѣнное въ некоторыхъ отношеніяхъ.

Участіе новаго философскаго произведенія Юма была немногихъ лучше печальной судьбы его «Трактата», и авторъ съ сожалѣніемъ долженъ былъ убедиться въ томъ, что ему не удалось взглянуть назадъ обь его первомъ трудѣ. Такъ потерялся крушеніе павшим Юма произвести перевернуть въ мірѣ мысли; такъ плохо были оценены современниками Юма гениальные труды, доставившіе ему апослѣдствіе и всемірную славу, и крупное значеніе въ исторіи философіи.

По возвращеніи своемъ къ аргентинской поѣздкѣ (1749 г.) Юмъ поселился было въ Лондонѣ, но неожиданное извѣстіе о смерти матери заставило его покинуть столицу Англіи и снова переѣхать въ свое имѣніе. Карлейль и Байль, бывшіе свидѣтелями того впечатлѣнія, которое произвела на Юма смерть матери, рассказываютъ, что горе философа было очень велико, и что они встали его «проливающимъ потоки слезъ». Какъ видно, научныя занятія не возмутили сердца Юма, не сдѣлали его черствымъ и неспособнымъ къ живымъ чувствамъ; философу былъ только чуждъ тотъ экспансивный аффектъ, который заставляетъ человѣка разбираться въ своихъ ощущеніяхъ, вникать въ мельчайшіе оттѣнки ихъ и пространно толковать о каждомъ изъ этихъ наблюденій. Юмъ былъ, вѣроятно другого мнѣнія о такомъ обвѣрожденіи своихъ интимныхъ чувствованій; оно должно было казаться ему и безцѣльнымъ и неуцѣльнымъ; вотъ почему въ автобіографіи онъ упоминаетъ о своей тяжелой утратѣ лишь въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: «Въ 1749 г., по случаю смерти моей матери, я переѣхалъ въ имѣніе моего брата и прожилъ тамъ два года».

Все это время Юмъ велъ оживленную и крайне интересную переписку со своими друзьями, самыми замѣчательными изъ которыхъ были Гильбертъ Эллиотъ; несмотря на различіе философскихъ взглядовъ, Юмъ и Эллиотъ были очень дружны, и обмѣны ихъ мыслей въ письмахъ составляли образчикъ замѣчательно интересной корреспонденціи. Живя въ деревнѣ, Юмъ не терялъ времени; пользуясь предоставившеюся ему свободой и досугомъ, онъ написалъ три замѣчательныхъ сочиненія: «Исследование о принципахъ нравственности», «Политическія рѣчи» и «Диалоги о естественной религіи» («*Inquiry concerning the Principles of Morals*», «*Political Discourses*», «*Dialogues concerning Natural Religion*»); два первыхъ произведенія вышли въ 1751 г., а послѣднее было издано лишь послѣ смерти автора.

Духовитное пребываніе въ деревнѣ на этотъ разъ привело Юма къ тому убѣжденію, что городъ есть настоящая арена дѣятельности для ученаго, вслѣдствіе чего философъ окончательно покинулъ деревню и перѣѣхалъ въ Эдинбургъ. Здѣсь онъ поселился на Лонмаркетъ, занявъ квартиру въ одномъ изъ тѣхъ старинныхъ многостаканныхъ домовъ, которые и по сю пору возмѣщаются по обѣимъ сторонамъ узкихъ улицъ стараго Эдинбурга и своимъ оригинальнымъ видомъ привлекаютъ вниманіе туристовъ.

Самымъ бодрымъ, свѣтлымъ настроеніемъ духа сопровождался этотъ перѣѣздъ Юма на жительство въ столицу Шотландіи. Вотъ что писалъ онъ въ это время Рамзею:

«Пожалуй и я могъ-бы, подобно другимъ, жаловаться на свою судьбу, но я этого не сдѣлаю, а если-бы и сдѣлалъ, то считалъ-бы себя очень неблагодарнымъ. Если мой доходъ не уменьшится, то я буду располагать 500 рублями въ годъ; кромѣ того у меня есть biblio-
3*

тебя цѣною въ 1000 рублей, большой запасъ бѣлья и платья и около 1000 р. въ моемъ бумажникѣ. Прибавьте сюда порядокъ, поддержанность, духъ независимости, хорошее здоровье, прекрасное настроеніе и ненасытную любовь къ учению. Благодаря всему этому, я могу причислить себя къ счастливымъ и божественной судьбы; такимъ образомъ я далеко отъ желанія знать другой билетъ въ жизненной лоттерей, ибо нѣтъ есть такихъ жребіевъ, на которые я согласился-бы промѣнять свой собственный».

Первая же зима, проведенная Юмомъ въ Эдмбургѣ, ознаменовалась новымъ пораженіемъ его кандидатуры на профессорскую кѣседу. Въ Глазговскомъ университетѣ освободилась кѣседу логики вслѣдствіе того, что Адамъ Смитъ былъ назначенъ профессоромъ этики. Юмъ выступилъ претендентомъ на освободившееся мѣсто, но снова не былъ выбранъ, вѣроятно, потому, что такому отъявленному атеисту и скептику не считали возможнымъ поручить образованіе молодежи. Въ этомъ же, т. е. 1751 году, Юмъ издалъ два сочиненія, написанна имъ уже въ деревнѣ: «Исслѣдованіе о принципахъ нравственности» и «Политическія рѣчи». О первомъ изъ нихъ авторъ выразился слѣдующимъ образомъ: «по моему мнѣнію, это самое лучшее изъ всѣхъ моихъ произведеній историческихъ, философскихъ или литературныхъ». Трудъ этотъ не былъ счтенъ современниками Юма, которые не раздѣляли взглядовъ философа на пользу, какъ на мѣрило нравственныхъ дѣланій, а именно этой ащитѣ пользы и посвящено «Исслѣдованіе о принципахъ нравственности». Не такая была участь «Политическихъ рѣчей»,—это сочиненіе получило быструю и широкую извѣстность; появилось нѣсколько переводовъ его на французскій языкъ, которые и были напечатаны въ Амстердамѣ, Берлинѣ и Парижѣ. Вообще въ Европѣ «Политическія рѣчи» произвели большую

сенсацию и даже вызвали своимъ появленіемъ другія сочиненія, между прочимъ книгу Мирабо «Другъ людей». Бартонъ говоритъ, что «Политическія рѣчи» Юма по справедливости можно назвать колыбелью политической экономіи и что онѣ содержатъ первое, самое простое и самое краткое изложеніе принциповъ этой науки.

Въ 1752 г. общество эдинбургскихъ адвокатовъ избрало Юма своимъ библиотечаремъ; званіе это, охотно принятое Юмомъ, не представляло значительныхъ матеріальныхъ выгодъ, такъ какъ оплачивалось всего 400 рублями годичнаго жалованья; но изъ то теперь въ распоряженіе Юма поступала обширная библиотека (около 30.000 томовъ), особенно богатая книгами историческаго содержанія, — обстоятельство крайне важное для Юма, задумавшаго писать исторію Англіи и дѣйствительно закончившагося этимъ трудомъ втеченіи одиннадцати лѣтъ. Интереснымъ обстоятельствомъ, которымъ сопровождалось избраніе Юма на должность библиотечара Кдза, разнесся слухъ о возможности предоставленія Юму этого скромнаго положенія, какъ изъ Эдинбургскаго общества поднялись несогласующіе возгласы противъ кандидатуры такого несчастнаго человѣка. Тѣмъ не менѣе Юмъ былъ избранъ громаднымъ большинствомъ. Вотъ что писалъ онъ объ этомъ доктору Клефому въ письмѣ отъ 4-го февраля 1752 г. «Всего удивительнѣе то, что обвиненіе меня въ вѣстствѣ не пожелало даннаго рѣшительно высказаться за меня; ихъ ходатайству я въ значительной степени обязанъ своимъ успѣхомъ... Со всѣхъ сторонъ твердили, что происходитъ состязаніе между деистами и христіанами; когда-же первая пѣсь о моемъ успѣхѣ разнеслась въ театрѣ, то всѣ зашептали о томъ, что христіане потерѣли пораженіе». Противники Юма, недовольные успѣхомъ, выпавшимъ на его долю, начали злословить, обвиняя его въ ко-

рысти, которая будто-бы единственно побудила его принять должность библиотекаря; Юмъ въ высшей степени великодушно опровергъ это обвиненіе, повертавая все свое жалованье въ пользу слѣпорожденного поэта Блекюка.

Окончательно устроившись въ Единбургѣ, раздѣлав свои труды между занятіями, связанными съ новою должностію, чтеніемъ и обработкой исторіи Великобританіи, Юмъ находилъ время и для общенія со своими друзьями, которые составляли около него тѣсный и весьма избранный кругъ. Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей между ними былъ ботъ-сочинитель Адамъ Смитъ. Знакомство его съ Юмомъ возникло еще въ школьномъ возрастѣ знаменитаго впоследствии политико-эконома, — въ то время, когда ему было не болѣе семнадцати лѣтъ. Профессоръ Глазговскаго университета Ричмондъ обратилъ вниманіе на А. Смита, какъ на сегодашняго выдающагося ученика изъ его класса, и разсказывалъ о немъ Юму, говоря, что онъ хорошо сдѣлаетъ, если пошлетъ этому талантливому юности экзекуляръ своего «Трактата»; Юмъ послушался этого совѣта, и такимъ образомъ завязалось сначала знакомство, а затѣмъ и дружба между двумя замѣчательными мыслителями XVIII-го вѣка.

Очень интересную характеристику своей жизненной обстановки и своихъ стремленій въ описываемую пору дѣлаетъ самъ Юмъ въ письмѣ къ доктору Клефону. «Вотъ уже семь мѣсяцевъ, какъ я занялъ свой собственный очагъ и организовалъ семью, состоящую изъ четырехъ главъ, т. е. меня и двухъ подчиненныхъ членовъ — служанки и конюха. Ко мнѣ присоединились моя сестра, и теперь мы живемъ вмѣстѣ. Будучи умѣреннымъ, я могу пользоваться чистотой, тепломъ и свѣтомъ, достаткомъ и удовольствіями. Чего хотите вы еще? Независимости? И обладаю ею въ высшей степени. Славы? Но она со-

вѣстать нежелательна. Хорошаго пріема? Онь прудеть со временемъ. Жени? Это не есть необходимая жизненная потребность. Книгъ? Вотъ онѣ действительно необходимы; но у меня ихъ больше, чѣмъ сколько я могу прочесть. Говоря короче, нѣтъ такого существеннаго блага, которыми я не обладалъ-бы въ большей или меньшей степени; поэтому безъ особыхъ философскихъ усилій я могу быть покойнымъ и довольнымъ.»

«Такъ какъ нѣтъ счастья безъ занятій, то я началъ трудъ, которому долженъ буду посвятить всецѣлѣмъ, и въ который доставляетъ мнѣ большое удовольствіе. Это «Брейдаская (шотландскіе предрассудки не позволяли Юму сказать англійская) исторія», начиная отъ соединенія королевствъ до настоящаго времени. Я уже окончилъ царствованіе короля Иакова. Мои друзья утѣряютъ, что моя работа усложнилась. Вы знаете, конечно, что на англійскомъ Парнасі сажусь наивнѣе мѣсто, это — мѣсто исторіи. Свѣсть, оцѣнка, безпристрастіе, старательность, — всего этого оставлять желать наши историки; что до меня, то я пишу мое сочиненіе очень сжато, по образцу древнихъ историковъ...» Въ автобіографіи Юмъ говоритъ о своихъ историческихъ трудахъ слѣдующее: «Я вознамѣрился писать англійскую исторію, но былъ устроенъ мыслью писать такую исторію, которая начинается за 1700 лѣтъ; поэтому я началъ ее съ вознесенія на престолъ дома Стюартовъ, т. е. съ такого времени, когда, казавось мнѣ, склонность къ возмущеніямъ особенно способствовала уничтоженію предрассудковъ и заблужденій. Признаюсь, что я былъ полонъ надеждой объ успѣхахъ этого труда, думая быть такимъ историкомъ, который не обращаетъ вниманія ни на силу, ни на шумъ народныхъ предрассудковъ. А такъ какъ эти намѣренія могли быть понятны каждому, то я и рассчитывалъ, что мое сочиненіе будетъ одобрено всѣми людьми. Но въ этихъ

надеждахъ и была безчеловѣчнымъ образомъ обманута, такъ какъ противъ меня поднялась общенародная волна, порочащая мое сочиненіе».

Обѣ приведенныя выписки крайне характерны. Изъ нихъ видно, что, за какіе-бы труды ни принимался Юмъ, всё его стараніе направлялось къ одной цѣли, — къ возможности такого благотворнаго воздействия на умы читателей, которымъ достигалось бы искорененіе предубѣжденій, неправильныхъ выводовъ, предрассудковъ мифовъ и суевѣрій, — словомъ, всего, чѣмъ тормозится правильное развитіе мысли, чѣмъ смрачивается здравый смыслъ и живая понятія. Ради этой цѣли Юмъ началъ свою исторію именно съ той эпохи, которая, по его мнѣнію, характеризовалась первыми волненіями и возбужденіями противъ установленной русины; изъ-за этихъ же соображеній онъ закончилъ третій и послѣдній томъ исторіи вѣстествомъ на престолѣ Галлоперекской династіи. «Я не смѣю подходить ближе къ настоящему времени», говоритъ Юмъ. Разумѣется, дальнѣйшее приближеніе было опасно и даже невозможно для историка, который не ограничивался простымъ изложеніемъ фактовъ, но съ безпощадною строгостію принципиальнаго критика указывалъ на темныя стороны государственной и общественной жизни. Интересно и то замѣчаніе Юма, которое относится собственно къ формѣ его историческаго труда. «Я пишу сказо, по образцу древнихъ историковъ». Какъ сказались здѣсь тѣ юношескіе восторги, съ которыми шестнадцатилѣтній Юмъ зачитывался Плутархомъ и Тацитомъ... Авторы, выбранныя имъ своими руководителями въ ту раннюю эпоху, Юмъ считаетъ образцами и въ зрѣломъ возрастѣ, при полномъ развитіи своихъ богатыхъ умственныхъ способностей. Не знаемъ, чему тутъ болѣе удивляться: умѣнью-ли юноши составить свой выборъ именно на самыхъ подходящемъ и пригодномъ матеріалѣ для бу-

душихъ самостоятельныхъ трудовъ; или постоянству философа, остающагося десятки лѣтъ въринуть тѣхъ вычненій, которыя возникли въ немъ съ перемѣнъ лѣтъ его сознательной умственной жизни!

Первый томъ «Исторіи Великобританіи», содержащій царствованіе Іакова I-го и Карла I-го, былъ изданъ Юмомъ въ 1754 г. Продажа этой книги, особливо въ Единбургѣ, шла недурно, и если-бы единственныиъ желаніемъ автора было пріобрѣтеніе все большей и большей извѣстности, то онъ могъ-бы считать свою цѣль достигнутой. Но Юму этого было мало: какъ мы уже видѣли, онъ желалъ быть почитаемъ и одобреннымъ, и въ этомъ отношеніи его постигло горькое разочарованіе. Въ автобіографіи Юма мы находимъ слѣдующія, относящіяся сюда, строки: «Меня встрѣтили криками порицанія, гнѣва и даже ненависти; англичане, шотландцы и ирландцы, епископы и торги, духовныя лица и сектанты, свободные мыслители и свѣтосны, патриоты и придворные льстецы, — всѣ соединились въ своей ярости противъ человека, который не побоялся пролить слезу сожалѣнія надъ смертію Карла I-го и графа Страффорда. Когда-же остался первый пылъ ихъ гнѣва, то произошло что-то еще болѣе убійственное: книга была предана забвенію. Миллеръ (издатель) уведомляетъ меня, что втеченіи двѣнадцати мѣсяцевъ онъ продалъ всего 45 экземпляровъ. Право не знаю, найдется-ли во всѣхъ трехъ королевствахъ хотя одинъ человѣкъ, видный по положенію или по научному образованію, который отнесся-бы къ моей книгѣ съ терпимостью. Впрочемъ я долженъ сдѣлать исключенія въ пользу примасовъ Англіи, доктора Германга, и Ирландіи, доктора Стона, — исключенія изумительныя. Эти высокопоставленныя духовныя особы удостоили меня похвалами далеко не обезкураживающаго характера».

Дѣйствительно можетъ показаться страннымъ, что

Давидъ Юмъ получилъ одобреніе и похвалу со стороны двухъ епископовъ. Однако фактъ этотъ не такъ непонятенъ, какинъ онъ представляется съ перваго взгляда; дѣло объясняется тѣмъ, что Юмъ не былъ такимъ безпристрастнымъ, объективнымъ историкомъ, какинъ характеризуетъ себя, говоря: «Я нѣмъ дерзости думать, что не принадлежу ни къ какой партіи и не провожу никакой тенденціи». Именно тенденція та у него и была: пріядя къ тому убѣжденію, что демократія не столько интеллигентна, чѣмъ аристократія, и что народныя начинанія коренятся лишь въ сходящемъ разумѣ, часто не согласуются ни съ природою вещей, ни съ требованіями разума, Юмъ сталъ постепенно отдавать свои симпатіи партіи аристократовъ и наконецъ сдѣлался ливинъ роялистомъ. Вотъ ясное знаменіе того Макарея объ Юмѣ, какъ объ историкѣ: «Въ историческихъ картинахъ Юма, несмотря на то, что онъ представляетъ воспитательное проявленіе мастерской руки, всѣ сѣтлина краски относятся къ торіи, а всѣ тѣни — къ вигамъ».

Въ 1756 году Юмъ издалъ второй томъ своей «Исторіи», а черезъ годъ приступилъ къ работѣ надъ ея третьимъ томомъ. Извѣщая своего издателя, Маллера, объ этихъ занятіяхъ, Юмъ радуется тому, что наконецъ дошелъ до царствованія Генриха VII-го, съ котораго, собственно говоря, и начинается новая исторія. «Жаль, — говоритъ онъ, — что я не началъ своего труда именно съ этой эпохи: тогда я любилъ-бы многихъ шарканій, раздавшихся по поводу двухъ первыхъ ея томовъ. Въ этомъ же (1757) году Юмомъ были напечатаны четыре разсужденія: «Естественная исторія Религіи; Страстей; Трагедіи; Образцовъ вкуса» («Four Dissertations: the Natural History of Religion; of the Passions; of Tragedy; of the Standard of Taste»).

Вскорѣ затѣмъ Юмъ написалъ довольно закончен-

свое письмо доктору общества Эдинбургскихъ адвокатовъ, уведомляя его, что должность библиотекара не настолько соотвѣствуетъ его привычкамъ и вкусамъ, чтобы онъ могъ оставаться въ ней; притомъ она доставляла ему если не враговъ, то противниковъ въ обществѣ адвокатовъ.

Освободившись отъ зачатій библиотекара, Юмъ сталъ хлопотать о томъ, чтобы покинуть Эдинбургъ и переѣхать въ Лондонъ, «вѣроятно навсегда», писалъ онъ своему другу Кэмпбеллу. Довольно трудно понять, какія причины побуждали Юма разстаться съ любимой родиной и прогнать ее на Англію, къ которой онъ чувствовалъ сильную антипатію. Изъ переписки Юма съ Робертсономъ, относящейся къ этому времени, видно, что отъѣздъ философа изъ Шотландіи имѣлъ большую связь со свадьбой его брата, и что, несмотря на все желаніе избѣжать поѣздки въ Лондонъ, Юмъ не могъ остаться у себя дома. Однако недолго, не больше года, прожилъ онъ въ столицѣ Англіи; вѣроятно время изло своихъ причины, вынудившія отъѣздъ Юма изъ Эдинбурга, мало по малу потеряли свою силу, а любовь къ родинѣ и тоска по ней окончательно побудили его къ возвращенію домой. Въ ноябрѣ 1759 г. имъ виднѣ Юма снова въ Эдинбургѣ, занятаго пересмотромъ и исправленіемъ первыхъ томовъ своей «Исторіи». Между тѣмъ послѣднія сочиненія шотландскаго философа, главнымъ же образомъ его историческіе труды, пріобрѣтали все болѣшую и болѣшую популярность за-границей. Во Франціи они появлялись въ нѣсколькихъ переводахъ и находили себѣ толковыхъ цѣнителей среди образованныхъ представителей и представителей парижскихъ салоновъ. Одною изъ горячихъ почитательницъ Юма сдѣлалась г-жа Буффле, имѣвшая славу первой красавицы Париза. Прочтя написанную Юмомъ исторію дома Стюартовъ, эта парижская львица пришла въ такой

восторгъ, что написала автору пламенное посланіе, въ которомъ характеризовала книгу Юма, какъ «тетра биспада морали и поученій». Юмъ отвѣтилъ своей почитательницѣ очень любезно, но сдержанно; на просьбу же г-жи Бурфало прѣхать въ Парамъ выразилъ надежду, что со временемъ воспользуется этимъ приглашеніемъ. Главнѣйшій занятіемъ въ эту пору пребыванія Юма на родинѣ было исправленіе и продолженіе историческихъ трудовъ; въ мартѣ 1763-го года онъ сообщалъ Гильберту Эллиоту, что ему удалось снять съ Іакова I-го обвиненіе въ наложеніи податей безъ согласія парламента и въ преслѣдованіи пуританъ, и что онъ возстановилъ репутацію Іакова II а англійской судебной палаты. Въ томъ же мѣсяцѣ Юмъ извѣстилъ Маллера, что онъ не оставляетъ намѣренія продолжать свою «Историю».

IV.

Жизнь Юма в Париже в качестве секретаря посольства. — Знакомство с Ж.-Ж. Руссо. — Возвращение на родину. — Новый административный пост, предложенный Юму. — Последние годы жизни в Эдинбурге. — Болезнь и смерть Юма.

В 1763 году новая и весьма важная перемена произошла в судьбе Юма: от маркиза Гертфорда, назначенного на пост английского посланника во Францию, он получил приглашение занять место секретаря посольства. Незнакомый с Юмом лично, маркиз много слышал об его административных способностях от генерала Сент-Клера; да и прочный, хотя медленный, успех философских и исторических трудов Юма делал к этому времени его имя известным повсюду во Франции; тем не менее приглашение маркиза не столько обрадовало, сколько удивило Юма: «решительно непонятно, как случилось, что подобный пост был предложен философу, писателю, человеку никоим образом не придворному и с самым незамысловатым духом», писал Юм в одном из писем. Сначала он отклонил почетное предложение посланника; но потом передумал: для философа с известной репутацией безбожника и нечестивца было очень важно вступить в тесные сношения с

маркизомъ Гертфордомъ, который спалъ за человека добродѣтельнаго и благочестиваго. Кромѣ того съ мѣстою секретаря посольства, обшанимъ Юму, были связаны значительныя денежныя выгоды. Принявъ все это во вниманіе, философъ согласился на предложеніе Гертфорда и въ сентябрѣ 1763 г. выражалъ Адаму Смигу то искреннее сожалѣніе, съ которымъ онъ мѣняетъ спокойствіе, уединеніе и независимость на жизнь тревожную, шумную и полную новыхъ обязанностей. «И пустилъ такіе глубокіе корни въ Шотландіи, что съ большимъ трудомъ могу представить себя переселеннымъ куда-либо», говоритъ Юмъ. На дѣлѣ оказалось, что шотландскаго философа ошддалъ въ Парижѣ такой блестящій публкъ, такое жествованіе, благодаря которымъ серьезный мыслитель вообразилъ себя среди людей, равныхъ ему по духу и убѣжденіямъ. Безъ конца восхищался умомъ, разнѣемъ и тонкимъ литературнымъ вкусомъ парижанъ. Юмъ одно время мечталъ даже окончательно промѣнять свою родину на гостеприимную Францію. Вотъ что пишетъ онъ объ этомъ въ автобіографіи: «Жилъ въ Парижѣ, испытывая большое удовольствіе отъ сообществъ съ разумными, учеными и эбливыми людьми, которыхъ здѣсь больше, чѣмъ гдѣ-либо въ цѣломъ свѣтѣ. Поэтому одно время я намѣревался остаться жить тамъ до моей смерти». Это рѣшеніе философа, повидимому слишкомъ опрометчивое и несвойственное его разсудительной натурѣ, не должно удивлять насъ: давно извѣстно, что «наша родина тамъ, гдѣ насъ понимаютъ и любятъ». Кому же было и цѣнить каждое проявленіе единомыслия и сочувствія, какъ не Юму, котораго соотечественники такъ долго и упорно терзали всѣмъ, что можно придумать обиднаго и горькаго для человека и для писателя, — несправедливой критикой, развѣдущимъ, забве-

нѣмъ, обвинѣнѣмъ въ сдѣлать безправственныхъ наѣз-
реніихъ, наконецъ просто желчными свѣтлыми и на-
говорами. Посмотримъ же, чѣмъ обуславливалось со-
вершенно противоположное отношеніе французамъ къ
Юму.

Во второй половинѣ XVIII-го вѣка высшее обще-
ство Парижа представляло оригинальную и характер-
ную смесь самыхъ разнородныхъ элементовъ. Наиболее
замѣтными, выдающимися людьми въ немъ были не-
вѣжественныя куртизанки наряду съ такими предста-
вителями ума и гениальности, какъ Даламберъ, Мон-
тескье, Дидро, Бондорсэ и др. Интересъ для сосредото-
чивался на томъ лицѣ, которое успѣвало обратить
на себя вниманіе чѣмъ-либо новымъ, до того невидан-
нымъ, — все равно, было ли это изъ ряда вонъ хорошее
или дурное отлечіе. Аристократическіе салоны служили
пріютомъ учености и роскоши, таланта и пошлости,
блестящей холодной свѣтскости и христіанскаго чело-
вѣколюбія... все это непостижимымъ образомъ спле-
талось и юталось подъ сѣнью кодекса самой распу-
щенной нравственности. Повсюду ощущеній, интерес-
ныхъ забавъ, вотъ все, чего жаждали французскіе ари-
стократы того времени; на этой аренѣ пустоты и
тщеславія появляется новый философъ, отиѣченный
уваженіемъ самыхъ ученыхъ и знаменитыхъ парижанъ
(съ Даламберомъ и Гельвециемъ Юмъ еще до пріѣзда
во Францію велъ дѣятельную переписку); въ Европу
уже успѣла проникнуть молва о новизнѣ и смѣлости
его воззрѣній; англійскіе шіетисты упорно аттестовали
его, какъ распространителя вредныхъ атеистическихъ
ученій, — всего этого было больше, чѣмъ довольно, для
возбужденія энтузіазма той націи, которая, по мѣткому
выраженію Юма: «вслѣдствіе постоянно живущаго въ
ней мятежнаго духа все доводитъ до крайности въ ту
или другую сторону».

Шотландскому философу пришлось на собственной особѣ испытать эту способность французовъ увлекаться до крайности. Появление его въ Парижѣ ознаменовалось цѣлымъ рядомъ самыхъ неожиданныхъ оцѣнокъ. Литераторы, аристократы, придворные, наконецъ самъ дофинъ (сынъ Людовика XV-го) интересовались другъ передъ другомъ въ чествованіи чужестранца-философа. Самыя знатныя дамы непрерывно приглашали Юма на свои приемы и торжественности, если имъ удавалось показаться публично въ сопровожденіи новой знаменитости. Одинъ изъ очевидцевъ этихъ триумфовъ Юма, лордъ Чарлемонтъ, рассказываетъ, что «значную роль въ Оперѣ широкое и значительное лицо толстяка Давида представлялось между двумя прелестными женскими личиками». Но нараспашъ была всѣ ухаживанія и заискиванія парижанъ и парижанокъ; Юму, съ его холоднымъ темпераментомъ и чуждою не оставленной его разсудительностью, ничто не могло вкружить голову. Въ письмахъ на родичу онъ отзывался о первомъ времени своего пребыванія въ Парижѣ слѣдующимъ образомъ: «Впродолженіи двухъ дней, проведенныхъ въ Фонтенебло, я измеряла столько лести, сколько врядъ ли выпадало на чью либо долю за такой промежутокъ времени... Я питаюсь теперь только амброзіей, упиваюсь только нектаромъ, вдыхаю въ себя только оміамъ и попариваю ногами только цвѣты... Роскошь и развлеченія, окружающія меня, доставляютъ мнѣ больше непріятностей, чѣмъ удовольствій».

Какъ и слѣдовало ожидать однако, триумфамъ Юма скоро насталъ конецъ; разъ, что прѣлжій успѣлъ потерять интересъ кознани, его оставили въ покоѣ, и тутъ, собственно говоря, наступилъ для него тотъ періодъ интересныхъ знаменствъ и дружескихъ сношеній съ людьми дѣйствительно замѣчательными, который доста-

вѣлъ Юму такое полное удовлетвореніе и даже внушилъ ему желаніе сдѣлать Францію своимъ вторымъ отечествомъ. Какъ нарочно, случилось такъ, что, и живя въ Парижѣ, Юмъ имѣлъ полное основаніе негодовать на неблагодарность и несправедливость къ нему англійскаго правительства. Дѣло въ томъ, что мѣсто секретаря посольства, на которое приглашали Юма, въ сущности не было вакантнымъ: официально оно числилось за министромъ Борнба, членомъ очень несомнѣннымъ и лѣнивымъ, который, оставаясь въ Лондонѣ, даромъ получалъ значительное жалованье (12 т. руб. въ годъ), между тѣмъ какъ Юмъ въ Парижѣ исполнялъ всѣ обязанности секретаря посольства. Единственно, что удалось Гёрфорду выхлопотать для Юма, какъ вознагражденіе, это временную пенсію по 3000 р. въ годъ и обѣщаніе предоставлять ему мѣсто секретаря, какъ только оно освободится. Но такъ какъ съ этимъ назначеніемъ очень ждали, то Юмъ не разъ выражалъ негодованіе и сожалѣніе по поводу своихъ обманутыхъ надеждъ. Гилберту Эллиоту онъ писалъ объ этомъ слѣдующее: «И пріемы получать отъ моей родины только оскорбленія и непріятности, но если это будетъ такъ продолжаться, то *ingrata patria ne ossa quidem habebis* (неблагодарное отечество, ты даже и костей моихъ имѣть не будешь)».

Вообще въ время своего пребыванія въ Парижѣ Юмъ высказывалъ такое предвѣщеніе французамъ своимъ соотечественникамъ и такъ рѣзко нападалъ на англичанъ за ихъ парварское отношеніе къ литературѣ и за холодный темпераментъ, что иногда вызывалъ отпоръ въ своихъ старыхъ друзьяхъ на родинѣ. Такъ, Эллиотъ писалъ ему: «Любите французамъ, сколько хотите, но прежде всего продолжайте быть англичаниномъ». Совѣтъ этотъ Юмъ не оставилъ безъ возраженій: «Можете ли вы серьезно говорить такимъ образомъ? Развѣ

я или вы англичане? Я — космополитъ; но если-бы мнѣ пришлось набирать себѣ отечество, я остановился бы на той странѣ, изъ которой живу теперь. — Нѣсколько лѣтъ спустя, Юмъ измѣнилъ свое мнѣніе о Парижѣ, находя жизнь въ немъ черезъ чуръ тревожной и неподходящей для пожилого человѣка, такъ что шотландскій философъ безъ сожалѣнія прѣлѣпнлъ впоследствии блестящій парижскій свѣтъ на скромный кружокъ своихъ эдинбургскихъ друзей; но антипатія, вѣрнѣе какая-то ненависть, къ англичанамъ и въ особенности къ жителямъ Лондона осталась въ немъ на всю жизнь. Трудно даже объяснить это чувство; отчасти оно могло быть вызвано обидой, заглаженной, но не забытой самолюбивымъ авторомъ послѣ плохого приема его сочиненій; но несомнѣнно, что значительная доля горечи въ данномъ случаѣ должна быть отнесена къ провинциализму Юма, къ тому, что онъ и воспитывался, и жилъ въ условіяхъ простыхъ, свободныхъ отъ тѣхъ прѣлѣпчій и стѣсненій, которыми такъ изобилуетъ кодексъ лондонской свѣтскости. Вотъ почему онъ всегда недовольно чувствовалъ себя среди жителей английской столицы и почему, наоборотъ, ему пришлись по душѣ свобода и непринужденность въ обращеніи парижанъ.

Въ 1765 г. Юмъ былъ наконецъ утвержденъ секретаремъ посольства и послѣдъ нѣмѣхъ нѣмѣлать даже посланника, такъ какъ лордъ Гертфордъ получалъ другое назначеніе и уѣзжалъ въ Англію. Искренне полюбливъ своего секретаря и оцѣнивъ его способности, бывшій посланникъ хлопоталъ ему мѣсто очень выгодное и очень спокойное; но, къ чести своей, Юмъ отрывѣлъ отказался отъ принятія подобной синекуры, «отзывающейся жадностью и хищничествомъ». Пробывъ въ Парижѣ до начала 1766 года, Юмъ уѣзжалъ на родину, которую уже не покидалъ до самой смерти.

Нельзя обойти молчаніемъ эпизодъ, относящійся къ описываемому нами времени въ жизни Юма, — именно его знакомство съ Жанъ-Жакомъ Руссо. Еще въ 1761 г. лордъ Маршалъ встрѣтившись съ Руссо въ Нѣвшателѣ, посоветовалъ ему переимѣнить мѣсто его изгнанія на Англію и просилъ Юма принять участіе въ бѣдномъ эмигрантѣ. Г-жа Буффле съ своей стороны писала Юму о Руссо, какъ о человѣкѣ замѣчательномъ. Слѣдуя этимъ просьбамъ, равно какъ и побужденію собственнаго добраго сердца, Юмъ написалъ Руссо, радушно приглашая его въ свое отечество и предлагая ему пріютъ у себя. Но переѣздъ Руссо въ Англію совершился лишь черезъ нѣсколько лѣтъ. Въ 1766 году Юмъ познакомился съ Руссо во Франціи и, уѣхавъ оттуда, по окончаніи своей службы въ посольствѣ, увезъ съ собою французскаго философа. Первое время Юмъ былъ совсѣмъ очарованъ своимъ новымъ другомъ и сравнивалъ его съ Сократомъ, находилъ при этомъ, что Руссо еще болѣе гениаленъ, чѣмъ древній греческій философъ. Въ февралѣ 1766 г. Юмъ писалъ своему брату: «Руссо самый скромный, кроткій, благотворительный, великодушный и сердечный человѣкъ, каковаго я когда-либо встрѣчалъ въ моей жизни». Далѣе онъ характеризовалъ Руссо, какъ самое замѣчательнаго человѣка въ мірѣ, и прибавлялъ, что «очень любитъ его». Но скоро Юмъ понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. При несомнѣнной талантливости, Руссо далеко не былъ ни скромнымъ, ни благотворительнымъ, ни великодушнымъ человѣкомъ. Страшнымъ образомъ въ немъ сочетались оригинальность ума и вслѣдствіе настоящаго безумія, блестящія способности и мелочное тщеславіе, тонкая проникательность и напыщенная высокомерность взглядовъ. Все это далеко не соответствовало идеальному представленію о немъ Юма.

По приѣздѣ въ Англію Юмъ принялся хлопотать объ устройствѣ приюта для своего поного друга и наконецъ нашелъ ему убѣжище въ одномъ изъ городовъ Дербишира. Недолго однако довольствовался Руссо предоставленными ему удобствами и покоемъ. Въ сущности онъ искалъ въ Англіи не мирнаго уединенія, а славъ, торжественнаго прѣема, возможности стать героемъ дня. Убѣдившись наконецъ, что все это тщетныя, неосуществимыя надежды, Руссо со всей запальчивостью раздражительнаго человѣка напалъ на Юма, этого виновника его неудачнаго переселенія въ Англію. Руссо обвинялъ Юма и во враждебномъ къ нему отношеніи, и даже въ заговорѣ съ другими лицами, будто-бы составленномъ съ цѣлью разжоренія беззащитнаго эмигранта. Юмъ съ удивительнымъ терпѣніемъ переносилъ все эти выходки тщеславнаго француза, считая его скорѣе ненормальнымъ, чѣмъ недобрымъ человѣкомъ. Подлинно Руссо дѣлалъ попытку слабаго оправданія, но какую? — вѣсто искренняго раскаянія въ своемъ поведеніи, онъ объясняетъ его вліяніемъ туманнаго климата Англіи. Такъ печально окончилась дружба этихъ двухъ мыслителей, бывшихъ слишкомъ различными и по темпераменту, и по убѣжденіямъ, чтобы рано или поздно между ними не произошло столкновенія и даже полнаго разрыва. Но нельзя не признать, что лучшая роль въ этой грустной исторіи сыграла на долю добродушнаго, разсудительнаго, честнаго и устояливаго въ своихъ симпатіяхъ шотландца, а худшая — на долю тщеславнаго, раздражительнаго и избалованнаго француза.

По возвращеніи Юма изъ Франціи, его ожидало новое приглашеніе на видный административный постъ въ Лондонѣ: философу было предложено жѣсто помощника государственнаго секретаря Шотландіи. Около двухъ лѣтъ прослужилъ Юмъ въ этой новой должности,

съ которой были соединены не особенно обременительныя обязанности; вотъ что писалъ онъ объ этихъ занятіяхъ: «Мой образъ жизни очень однообразенъ, но вовсе не неприятенъ. Отъ десяти до трехъ часовъ я бываю въ секретариатѣ; въ это время получаютъ денешніе, сообщающіе мнѣ всѣ тайны не только нашего королевства, но и Европы, Азіи, Африки и Америкы. Свѣдѣніяхъ дѣлъ у меня почти не бываетъ, и я всегда имѣю достаточно свободнаго времени для того, чтобы взяться за книгу, написать письмо или поболтать съ извѣстившимъ меня другомъ; наконецъ, начиная съ обѣда и до самой ночи, я полный хозяинъ своего времени. Если вы прибавите къ этому, что лицо, съ которымъ мнѣ приходится главному образомъ, если не исключительно, имѣть дѣло,—человѣкъ самый разсудительный, самаго яснаго характера и самый благородный, какого только можно себѣ представить, то вы поймете, конечно, что у меня нѣтъ повода жаловаться. Тѣмъ не менѣе я не буду жалѣть, когда эта служба придетъ къ концу, потому что мое высшее счастье, мое полное удовольствіе состоитъ въ томъ, чтобы читать, гулять, мечтать, думать».

Служба Юмъ скоро пришла къ концу, и въ 1769 г. мы видимъ его снова въ Единбургѣ, счастливаго своимъ возвращеніемъ на родину и намѣреющагося провести остатокъ жизни въ спокойномъ и пріятномъ довольствіи, пользуясь всеми благами, которыя могло ему доставить значительное состояніе (10000 руб. годового дохода), приобретенное имъ въ этому времени. Поселившись въ Единбургѣ и окончательно рѣшивъ здѣсь до самой смерти, Юмъ занялся постройкой для себя дома по своему вкусу. Зданіе это было воздвигнуто въ одна застраивавшейся части города и пришлось вкѣль разѣ въ началѣ новой улицы; одна остроумная единбургская барышня начертила на домѣ Юмъ слова: «улица сл.

Давида»; такимъ образомъ была окрещена эта до тѣхъ поръ безымянная улица. Говорятъ, что когда служанка Юна жаловалась своему господину на эту продажную вѣтровой жистъ, то философъ отвѣтилъ: «не бѣда, моя юная, въ прежнее время многихъ хорошихъ людей дѣлала сватыми». Впродолженіе сѣдующихъ шести лѣтъ домъ на улицѣ св. Давида служилъ центромъ единенія самаго нискаснаго и блестящаго Эдинбургскаго общества. Если мы вспомнимъ, что членами этого кружка были между прочимъ Адамъ Смитъ, Гальбертъ Эллиотъ, Макензи, Генри Госсъ и другіе истинные и просвѣщенные друзья знаменитаго шотландскаго философа, то намъ станетъ понятнымъ, почему онъ безъ сожалѣнія вспоминалъ о болѣе блестящихъ, но менѣе тѣсныхъ и дружныхъ кружкахъ Лондона и Париза.

Тихо, но въ то же время радостно, протекали послѣдніе годы жизни Юна, и незаметно подкралась къ нему смертельная болѣзнь. Въ 1775 году философъ почувствовалъ, что его здоровье сильно пошатнулось, и что отъ опадѣвшаго изъ него дудка ему уже не избавится. Съ полнымъ самообладаніемъ принялся онъ за тѣ дѣла, которыми долженъ былъ закончить свои земные расчеты. Прежде всего Юнъ написалъ духовное завѣщаніе, которымъ главную часть своего состоянія (60000 руб.) отсылавалъ брату, сестрѣ и племянникамъ; кромѣ того онъ оставилъ значительныя суммы своимъ друзьямъ: Адаму Смиту, Фергюсону и Даламберу; Адама Смита онъ назначилъ своимъ литературнымъ душеприказчикомъ, поручивъ ему надать «Диалоги о естественной религіи». Покончивъ съ завѣщаніемъ, Юнъ принялся за осуществленіе своего давняшаго намѣренія — за автобіографію. Любопытный документъ вышелъ на этотъ разъ изъ-подъ пера философа: это произведеніе носить на себѣ печать такой объектив-

ности, такую вряд-ли можно встрѣтить въ сообщеніи автора о самомъ себѣ. Юмъ все время ограничивается строгой и очень сжатой передачей фактовъ, нрі́дка логически объясняя ихъ смыслъ; но о чувствахъ, о лирическихъ отступленіяхъ, словесъ, о чемъ-либо исключительно субъективномъ, нѣтъ и помину во всемъ этомъ произведеніи. Юму кажется даже непростительной претензіей и тщеславіемъ самое желаніе писать свою автобіографію, и онъ въ самомъ же началѣ ее объясняетъ читателямъ причины, вызвавшія ея появленіе на свѣтъ. «Трудно говорить о себѣ долгое время безъ известности, потому я описываю свою жизнь только кратко. Правда, можно принять за известнаго рода тщеславіе самое намѣреніе писать свою автобіографію, но эта похвѣсть будетъ содержать въ себѣ не что иное, какъ исторію моихъ писаній. Въ самомъ дѣлѣ, почти вся жизнь моя прошла въ научныхъ трудахъ и занятіяхъ». Какъ сказано въ этомъ Юмъ, главный высшій интересъ и главная цѣлью своей жизни именно служеніе наукѣ. Только потому и отваживается онъ рассказывать кратко о себѣ, что всѣ его силы, вся жизнь были посвящены тѣмъ научнымъ занятіямъ, плоды которыхъ достаются обществу, составляютъ его собственность, и потому «исторія писаній» Юма, по мнѣнію самого автора, имѣетъ интересъ и для современниковъ, и для потомства. Есть что-то трогательное и величественное въ этомъ разсужденіи замѣчательнаго мыслителя, который сознательно лѣтъмъ личное я, выставляя на видъ свой крупный вкладъ въ науку, да и это дѣлаетъ лишь потому, что ясно понимаетъ всю пользу, какую принесетъ обществу напоминаніе о замѣчательныхъ филологическихъ и литературныхъ трудахъ умирающаго писателя.

Не менѣе интересенъ и характеренъ конецъ Юмовой автобіографіи, представляющій самое разсудительное и

философски-спокойное прощаніе съ жизнью, какое когда либо приходится читать. «Несмотря на отвратное изнуреніе всего моего организма, — пишетъ Юмъ, — никогда, ни на одну минуту не чувствовала я унынія въ душѣ своей; таинств. образомъ если бы мнѣ надлежало сказать, какое время я считаю за лучшее въ моей жизни, то я указала бы именно на этотъ послѣдній періодъ... Въ самомъ дѣлѣ, никогда не испытывала я большаго жара въ занятіяхъ, ни большаго веселости въ пріятномъ мнѣ обществѣ. Тѣмъ ея менѣе я нахожу, что человекъ, умирающій 65-ти лѣтъ, только освобождается отъ школьныхъ лѣтъ драхлости; и хотя по нѣкоторымъ обстоятельствамъ я могла бы радѣться, что увижу ученую славу свою въ болѣе яркомъ блескѣ, чѣмъ это было до сихъ поръ, но зато я знаю, что недолго пользовался бы этимъ счастьемъ, потому и трудно найти человека, который былъ бы привязанъ къ жизни меньше меня».

Между тѣмъ докторъ Юмъ усиливался, и эдинбургскіе врачи рѣшили, что ему слѣдуетъ переимѣнить образъ жизни и испытать дѣйствіе минеральныхъ водъ. Юмъ послушался этого совѣта и отправился въ мѣстечко Бадъ (Bath), лежащее недалеко отъ Лондона и славящееся цѣлебными источниками. Однако леченіе не помогло, и въ іюнѣ 1776 г. Юмъ писалъ изъ Бада: «черезъ нѣсколько дней я уѣзжаю отсюда, такъ какъ воды не привели мнѣ облегченія... Настоящая причина моей болѣзни теперь открыта, — это мои почки». Вскорѣ Юмъ вернулся въ Эдинбургъ, собравъ въ послѣдній разъ своихъ лучшихъ друзей къ себѣ на вечеръ и написавъ брату слѣдующее письмо: «Дорогой братъ, докторъ Блэкъ сказалъ мнѣ съ сожалѣніемъ, — какъ и подобаетъ человѣку чувствительному, — что я скоро умру; это не было для меня неприятною новостью». Адамъ Смитъ и докторъ Келленъ и Блэкъ свидѣтельствуютъ, что Юмъ говорилъ о смерти спокойно,

даже весело и не обнаруживалъ ни малѣйшаго нетерпѣнія или ропота. Юмъ скончался 25-го августа 1776-го года, а нѣсколько дней спустя его тѣло, сопровождаемое громадной толпой, привлеченной отчасти любопытствомъ, отчасти глубокой симпатіей къ покойному, было похоронено на старомъ кладбищѣ, расположенномъ по южному склону холма, съ вершины котораго открывается замѣчательный видъ на Единбургъ и его окрестности. На востокъ протекаетъ рѣка Фортъ, а дальше, за ней, синѣютъ хребты шотландскихъ горъ. Съ запада выступаютъ сыѣлыя очертанія скалы Кэстль со старой частью Единбурга, а къ подножью холма, изъ лабиринта тѣсныхъ улицъ, доносится глухой шумъ, — откликъ дѣятельнаго городского населенія. Почувствовавъ приближеніе смерти, Юмъ самъ выбралъ это кладбище, какъ мѣсто своего погребенія; врядъ-ли его выборъ былъ случайнымъ, — намъ кажутся справедливыми догадки Гексли о томъ, что гениальный философъ и историкъ замѣренно выбралъ для вѣчнаго успокоенія то мѣсто, гдѣ такъ удивительно сближены и сопоставлены царство природы и царство человѣка, составляющія нѣчто единое — весь адѣйный міръ, въ которомъ все подчинено однимъ и тѣмъ-же законамъ, и все въ своей сущности остается тайной, несмотря на сыѣлыя попытки человѣческаго ума проникнуть въ нее.

На своей могильной плитѣ Юмъ замышлялъ сдѣлать слѣдующую надпись: «*Давидъ Юмъ. Родился 26-го января 1711 года, умеръ 25-го августа 1776 года*». — «Предоставляю потомству, — сказалъ онъ, — прибавить остальное». — *Замечательный мыслитель и безупречно-простоумный человекъ, — вотъ какъ дополнили-бы мы скроющую эпитафію на памятникѣ великаго шотландца.*

V.

Вильям Локк, Бокан, древнѣе опекунство д. Никодѣмъ на философію Юма.—Ученіе Юма о происхожденіи аспіи.—Этика Юма.—Его политико-экономическіе взгляды.—Характеристика историческаго труда Юма.—Характеристика личности Юма.

Въ XVII и особенно XVIII вѣкѣ однимъ изъ любѣимѣйшихъ философскихъ вопросовъ былъ вопросъ о происхожденіи идей, а затѣмъ о происхожденіи и значеніи познанія. Много потрудились надъ разрѣшеніемъ этихъ важныхъ вопросовъ англичанинъ Локкъ, жившій отъ 1632 до 1704 года. Въ своемъ главномъ сочиненіи «Опытъ о человѣч. умѣ» («An Essay concerning Human Understanding») онъ дѣлаетъ попытку разслѣдовать начало человѣческаго познанія. Приведемъ кратко суть этихъ разсужденій, такъ какъ лишь послѣ ознакомленія съ ученіемъ Локка намъ станутъ понятны причины, вызвавшія появленіе философской доктрины Юма.

Локкъ утверждалъ, что умъ самъ по себѣ безсодержателенъ, подобно пустой комнатѣ; все, чѣмъ онъ обладаетъ, это—способность получать впечатлѣнія отъ вѣншаго міра; такимъ образомъ наша жизнь начиняется съ ощущеній. Медленно, послѣдствіе продолжительнаго водѣвствія ощущеній, мы научаемся относить ихъ къ вѣншнимъ предметамъ и принимать эти

предметы за причины самихъ впечатлѣній. Слѣдовательно всё наше познаніе происходитъ изъ ощущений; врожденныхъ же представленій вовсе не существуетъ. Собственно говоря, по учению Локка, есть два непосредственныхъ источника пріобрѣтенія познанія, — ощущение или чувственное воспріятіе и рефлексія или внутреннее воспріятіе; въ первомъ случаѣ мы постигаемъ вѣщныя предметы посредствомъ внѣшнихъ же чувствъ, т. е. посредствомъ чувственныхъ ощущений, во второмъ случаѣ познаніе или пріобрѣтеніе идеи есть результатъ нашихъ внутреннихъ наблюденій надъ тѣми ощущениями, которыя мы испытываемъ. Талантъ образомъ идеи рефлексіи возникаетъ изъ идеи ощущения, а эта послѣдняя происходитъ непосредственно изъ ощущения. Локкъ выразилъ это слѣдующими словами: «Въ умѣ не можетъ появиться ни одной идеи до тѣхъ поръ, пока ощущенія не внесутъ ея туда». Идеи могутъ быть простыми или сложными; одна изъ простыхъ идей, напр. идея цвѣта, запаха, исходитъ въ умѣ однимъ чувствомъ; другія, напр. идея протяженности, — нѣсколькими чувствами; одна, напр. идея мышленія, хотѣнія, пріобрѣтаются нами единственно путемъ рефлексіи; другія, напр. идея связи, — путемъ соединенія ощущенія съ рефлексіей. Эти простые материалы познанія могутъ вступать въ безконечно разнообразныя соединенія между собою, тогда образуются сложныя идеи, которыя подраздѣляются на три класса: модальности (модусы), субстанции и отношенія. Для философа особенно важно то, какъ раздѣляетъ Локкъ идею субстанции; онъ говоритъ: «Не будучи въ состояніи представить, какъ могутъ простыя идеи существовать сами по себѣ, мы привыкаемъ предполагать неизвѣстный субстратъ, въ которомъ онѣ существуютъ, и который поэтому мы называемъ субстанціей». Эта субстанція, по учению Локка, находится внѣ насъ, по сущности ея даже неизвѣстна.

Допущение этого самостоятельного предметного значения субстанции есть большая несостоятельность со стороны Локка, вносящая раздвоение въ его теорію происхожденія идей.

Заслуга Локка слѣдуетъ принимать особенно важными для эмпирической психологіи; уже одно изъясненіе «происхожденія идей» было смѣлымъ шагомъ къ тому, чтобы ясно сознать предѣльность человеческого познанія и вырваться изъ туманныхъ философскихъ понятій прежняго времени. По ученію Локка, душа человека, представляющая въ раннемъ его дѣтствѣ «*tabula rasa*» (чистую доску), воспринимаетъ впечатленіе извне при помощи органовъ чувствъ, какъ-бы отъсвѣчивающихся на этой доскѣ. Воспріятіе этихъ впечатлѣній есть процессъ, совершающійся безъ нашего участія; но эта пассивность не послужитъ намъ къ чему, если мы захотимъ познать полученное впечатлѣніе, истолковать его или запомнить. Тутъ уже необходимо активное упражненіе ума. Если же мы не прилагаемъ этого усилія, то наше познаніе будетъ влѣзлѣмъ хаотично.

Изъ краткаго изложенія доктрины Локка о познаніи видно, какое огромное значеніе имѣетъ для насъ опытъ: основываясь на немъ, человекъ начинаетъ понимать, откуда исходятъ тѣ ощущенія, которыя своимъ вліяніемъ на него создаютъ весь его внутренний міръ понятій; вотъ почему ученіе Локка называютъ эмпиризмомъ, а его психологію — эмпирической.

Юмъ упреждалъ отъ Локка это опытное направленіе философіи, но развивалъ его съ большей полнотой и послѣдовательностью, устранивъ противорѣчія своего предшественника и доказавъ его мысли, недоговоренныя до конца. Не слѣдуетъ забывать однако, что если Юмъ и называютъ непосредственнымъ продолжателемъ ученія Локка, и какъ-бы его духовнымъ сыномъ, — все же и другіе предшественники шотландскаго философа

нижал на него несомненное и большое влияние. Великий Бэконъ своимъ введеніемъ экспериментальнаго метода въ область естествознанія подалъ Юму мысль приложить этотъ методъ и въ сферѣ умозрительныхъ наукъ; вотъ почему Юмъ еще съ юности своей и думаетъ, и говоритъ о необходимости изучать природу человѣка; вотъ почему онъ основываетъ свою философію на психологіи и утверждаетъ, что всѣ послѣдованія процессовъ мышленія должны совершаться по тѣмъ же правиламъ, которыя соблюдаются при изслѣдованіяхъ чисто физическихъ. Только при этомъ условіи, по мнѣнію Юма, можно и въ нравственной философіи достичь результатовъ такихъ же точныхъ и стойкихъ, какъ и выводы, относящіеся къ физическимъ природѣ. Самое заглавіе перваго философскаго труда Юма («Трактатъ о человеческой природѣ или попытка ввести экспериментальный методъ въ вопросы о нравственности») ясно указываетъ на то, какимъ образомъ намѣревался Юмъ приступить къ разрѣшенію предстоящихъ ему философскихъ проблемъ.

Воспоминанія также и тѣхъ учителей Юма, которые увлекли его съ первыхъ же шаговъ на пути самообразованія, — вспомненія древнихъ святиковъ. Если, возвращаясь къ Локку, мы можемъ отнѣсти несомнѣнно критическое направленіе его мысли, выражавшееся между прочимъ и въ отношеніи его къ Декарту (отрицаніе врожденныхъ идей), то Юмъ пошелъ дальше, гораздо дальше, своего знаменитаго предшественника на пути строгой проработки всякаго положенія, всякаго понятія и въ своемъ отрицаніи возможности познать сущность и причинность вещей. Въ этомъ отношеніи Юмъ долженъ считаться ученикомъ древнихъ святиковъ и постановителемъ ихъ ученія.

Наконецъ нельзя совершенно обойти молчаніемъ и современника Локка, знаменитаго Исаака Ньютона, ко-

торый особенно возмущался противъ картезианцевъ (последователей Декарта) за гипотетичность и бездоказательность ихъ представлений и теорій. Обращаясь къ физикѣ, Ньютонъ восклицаетъ: «Берегись метафизики!» и требуетъ, чтобы аналитическое разсмотрѣніе всегда предпосылалось синтетическому. Какъ много общаго у него съ Юмомъ, писавшимъ о предѣлахъ выдумки (гипотезъ), отъ которыхъ такъ любятъ отираваться философы, и начавшимъ свое ученіе аналізію именно съ разбора предшествовавшихъ доктринъ для того, чтобы полученныя такимъ образомъ выводы свести затѣмъ въ свою собственную теорію.

Итакъ, вотъ въ общихъ, крупныхъ чертахъ матеріалъ, принятый Юмомъ, какъ духовное наследство, отъ предшественниковъ-философовъ; посмотримъ-же, что и какъ имѣли еще въ нихъ и чѣмъ воспользовался для основанія собственныхъ философскихъ принциповъ.

Юмъ начинаетъ съ того, что совершенно отбрасываетъ второй восточный познания по Локку, т. е. рефлекцію. Все содержаніе ума, говоритъ шотландскій философъ, состоитъ изъ воспріятій (*perceptions*), которыя распадаются на два класса: впечатлѣнія и идеи. Впечатлѣнія суть не что иное, какъ ощущенія, волненія, даже страсти при первомъ ихъ появленіи въ нашей душѣ; идеи же представляютъ собою слабыя, блѣдныя копіи впечатлѣній; происходятъ онѣ путемъ воспоминанія и воображенія отъ испытанныхъ нами впечатлѣній. Такимъ образомъ впечатлѣнія и идеи различаются не по существу своему, а лишь по степени интенсивности, яркости. Оба эти класса воспріятій могутъ быть простыми, если они недоступны разложенію на части, или сложными, если состоятъ изъ нѣсколькихъ элементовъ. Идеи всегда происходятъ отъ предшествовавшихъ имъ впечатлѣній, но при этомъ онѣ могутъ воспроизводить эти впечатлѣнія съ тою же же-

ностью и въ томъ-же порядкѣ, какіе были присущи самому впечатлѣнію—это будетъ идеи ассоціирующія; или-же идеи возобновляютъ наши впечатлѣнія съ меньшею живостью и въ новомъ порядкѣ; въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ идеями воображенія.

Теорія эта, на первый взглядъ очень простая и ясная, страдаетъ противорѣчіемъ тому самому опыту, на свидѣтельство котораго опирается; дѣло въ томъ, что ощущеніе не существуетъ и не можетъ существовать безъ субъекта, сознающаго это ощущеніе. *Tabula rasa* Локка не можетъ замѣнять собою ощущенія, такъ какъ разъ начнется сознательная жизнь, оставляющая свои слѣды на душѣ человѣка, то эта душа уже перестаетъ быть чистой доской. Словомъ, идеи, происходящія отъ впечатлѣній, непрежѣнно возбуждаютъ вопросъ о томъ самостоятельномъ существѣ, которое воспринимаетъ впечатлѣнія и сознательно относится къ нимъ. На этотъ вопросъ Юмъ не даетъ отвѣта. Кромѣ того Юмъ напрасно думалъ, что отличие идей отъ впечатлѣнія состоитъ только въ степени ощущенія, доставляемаго ими; понятія эти различны по существу своему, и если стараше Юмъ не смѣшивалъ ихъ можно считать большой заслугой въ области психологіи, то производство идей отъ впечатлѣній составляетъ заблужденіе философа.

Послѣ различенія и опредѣленія элементовъ познанія Юмъ различаетъ и опредѣляетъ тѣ законы, посредствомъ которыхъ идеи приводятся въ связь между собою и вводятся въ умъ. Эти начала или законы ассоціаціи суть какъ-бы проявленія силы взаимнаго притяженія между идеями, подобно тому, какъ законы, открытые Ньютономъ, суть выраженія притяженія между тѣлами. По Юму, путемъ наблюденія, мы можемъ установить три такихъ закона: сходства, смежности (по мѣсту и времени) и причинности. Замѣательная тре-

тика этого послѣдняго принципа составляет и главную философскую заслугу Юма и торжество его скептицизма.

Юмъ первый изъ философовъ занялся обсужденіемъ вопроса, откуда происходитъ понятіе причинности, и отвѣсъ его прямо къ сферѣ опыта. Вотъ, вкратцѣ, суть его разсужденій по этому вопросу. Никакое изслѣдованіе даннаго явленія, какъ-бы внимательно и тонко оно ни производилось, не можетъ дать намъ понятія о томъ, что это явленіе есть причина другихъ явленій, если только мы не знаемъ этого изъ опыта. Никакими априорными разсужденіями не можемъ мы, въприжирь, выяснитъ себѣ, что магнитизмъ есть причина, производящая приближеніе желѣза къ магниту, или что тяжесть камня, брошеннаго вверхъ, служитъ причиной его паденія на землю. Итакъ, разумъ, на основаніи однихъ логическихъ умовязкоченій, т. е. путемъ чисто интуитивнымъ, не можетъ объяснить намъ идея причинности. Остается обратиться къ опыту; но всякая опытная идея для того, чтобы стать дѣйствительной идеей, должна быть вооружена какою-либо впечатлѣніемъ; путемъ же наблюденія мы убѣждаемся въ томъ, что причина, сила, производящая явленіе, сама по себѣ не дѣлаетъ на насъ никакого впечатлѣнія; оно получается лишь тогда, когда эта причина вызываетъ извѣстное слѣдствіе; такимъ образомъ мы получаемъ идею эмпирическую слѣдованія, т. е. понятіе о томъ, что та или другая причина вызываетъ извѣстное явленіе, производящее на насъ извѣстное впечатлѣніе. Представимъ же себѣ, что цѣлый рядъ наблюденій убѣждаетъ насъ въ необходимости слѣдованія одного и того-же явленія за одной и той-же причиной; представимъ себѣ, что съ безусловнымъ постоянствомъ опытъ обнаруживаетъ передъ нами зависимость явленія А отъ явленія В, состоящую въ слѣдованіи А за В,—въ такомъ случаѣ въ насъ по-

степенно возникает чувство ожиданія явленія А послѣ явленія В; чувство это есть не что иное, какъ впечатлѣніе, полученное нами въ данномъ случаѣ отъ подмѣненного однообразія явленій, а конія съ этого впечатлѣнія и есть та идея причинности, которая, въ ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается простой ассоціаціей. На этой основѣ и стоитъ все зданіе нашего опытнаго познанія.

Можно только удивляться силѣ аргументація Юма въ этомъ разсужденіи; можно только радоваться тому, что жестокостію своей гениальной критики онъ разрушилъ таинственную связь, соединявшую воображеніе между причиной и слѣдствіемъ. Нисколько не будетъ преувеличеніемъ сказать, что отрицаніемъ идеи причинности Юмъ содалъ положительную сторону своей философской системы.

Исходя изъ основныхъ положеній своей теоріи, Юмъ послѣдовательно пришелъ къ тому заключенію, что бытіе Бога и божественіе души, какъ понятія, лежащія заѣ сферы опыта, не могутъ быть доказаны; поэтому религіозныя негнны знанія неммы; въ нихъ можно только вѣрить. Что касается субстанціи (т. е. бытія неизмѣннаго и независимаго на отъ какого другаго бытія), то Юмъ рѣшительно отрицаетъ ее, какъ нечто такое, о чемъ мы не можемъ получить никакого впечатлѣнія. «Мы имѣемъ ясныя представленія только о впечатлѣніяхъ, — говоритъ Юмъ; — субстанція есть нечто совершенно отличное отъ впечатлѣній; значитъ у насъ нѣтъ никакого познанія о субстанціи». Такимъ образомъ Юмъ отказывается отъ возможности познать, какъ сущность, такъ и причину вещей; но не легко было ему примириться съ этими печальными результатами скептической философіи. Въ концѣ первой книги «Трактата о человѣческой природѣ» Юмъ краснорѣчиво описываетъ намъ то тяжелое умственное состояніе, въ ко-

тором: онъ находился послѣ окончательной выработки своей философской системы. Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ этого характернаго мѣста въ сочиненіи Юма.

«Противорѣчія и несовершенства челоѣческаго разума такъ поѣдѣствовали на меня и такъ расторгали мой мозгъ, что я готовъ откаться и отъ разсужденія, и отъ вѣры, ибо ни одного мнѣнія я не могу считать даже болѣе вѣроятнымъ или правдоподобнымъ, чѣмъ другое. Гдѣ я? Что я? Какимъ причислять обязанъ я своимъ существованіемъ и въ какія условія буду возвращенъ?.. Что за существа окружаютъ меня; на кого имѣю я вліяніе, и кто вліяетъ на меня? Всѣ эти вопросы смущаютъ меня, и я не смѣю представлять себѣ помѣщеннымъ въ самыя значебныя условія, какія только можно вообразить, окруженнымъ густымъ нравомъ и лишеннымъ употребленія мость членовъ и способностей... И обѣдаю, играю въ трактракъ, разговариваю и развлекаюсь со своими друзьями, но когда послѣ трехъ, четырехъ часовъ такого отдыха, я вѣдую вернуться къ своимъ размысленіямъ, то они кажутся мнѣ такими холодными, безцѣльственными и странными, что у меня рѣшительно не лежитъ сердце къ тому, чтобы снова заняться ими».

Далѣ Юмъ говоритъ, что ему предназначено жить, говорить, дѣйствовать, подобно другимъ людямъ; но что если онъ и долженъ быть такимъ-же безумцемъ, какъ и тѣ, кто о чемъ-либо размышляетъ или чему-либо вѣритъ, то во крайней мѣрѣ его безуміе будетъ пріятно и естественнымъ. «Съ сожалѣніемъ думаю я о томъ,—продолжаетъ Юмъ,—что одно мнѣ нравится, а другое—нѣтъ; что одну вещь я нахожу прекрасной, а другую безобразной; что я признаю свои рѣшенія надъ истиннымъ и ложнымъ,—все это безъ всякаго сомнѣнія, хотя которые сомнѣваются». Въ заключе-

нѣ Юмъ прибавляетъ: «Истинный скептикъ такъ-же недвѣрчиво относится къ своимъ сомнѣнїямъ, какъ и къ философскимъ убѣжденїямъ».

Приведенная слова Юма краснорѣчивѣе всякихъ объясненій говорить о томъ, что и у этого философа-скептика, несмотря на всю его разсудительность, на силу его критическаго отношенія къ чуждымъ способностямъ, несмотря, наконецъ, на стремленіе указать мысли тѣ предѣлы, преступать которые она не можетъ, если не хочетъ впасть въ сферѣ бездоказательныхъ выдумокъ, — все-же являлся порывъ узнать непостижимое, неподдающееся никакому опыту, непроницаемое никакими впечатлѣніями и составляющее то загадочное «начало всѣхъ дѣйствій», къ познанію котораго стремится мыслитель всѣхъ эпохъ и направленій. Тщетность и невыполнимость этихъ желаній жизни для Юма, какъ и для большинства, и, вслѣдствіе этой неудовлетворенности, способствовавшая безстрастности и безпристрастію познателя разсудительнаго философа, во временномъ думавшаго, что лучше всего не разсуждать, если не знаешь такъ правильно, отъ которыхъ приходится отворачиваться. Такая тяжелая жизнь, такое подавленное состояніе духа переживалъ этотъ мыслитель, котораго принято считать холоднымъ скептикомъ, почти нигилистомъ, отрицавшимъ все, ради самого наслажденія разрушать и уничтожать. Скептицизмъ Юма несомнѣненъ, но не слѣдуетъ забывать, что если его философія и была составлена главнымъ образомъ изъ отрицаній, то это были отрицанія не только послѣдовательныя, но и плодотворныя, — у такихъ оппонентовъ Юма, какъ былъ напримѣръ Кантъ, они вызвали великія догматическія утвержденія. Вотъ почему на философію Юма нельзя смотрѣть, лишь какъ на любовитное явленіе въ исторіи человѣческой мысли; его доктрина представляетъ собою одинъ изъ тѣхъ рѣшительныхъ

моментовъ, одинъ изъ тѣхъ кризисовъ, которые переживаютъ мыслью на пути ея эволюціи. Можно себя представить, какъ тяжела была работа, выпавшая на долю того мыслителя, который былъ выразителемъ этого кризиса и охарактеризовалъ его своимъ методомъ и направлениемъ; но Юмъ былъ не изъ тѣхъ, что отступаютъ передъ трудностями и неуспѣхами; онъ поставилъ своей задачей контролировать мысль, постоянно обсуждать ее и доказывать, чтобы этимъ путемъ прийти къ знанію. Хотя Юмъ и сознается, что этого рода изслѣдованія очень трудны и утомительны, но прибавляетъ, что есть такіе натуры, которыя обладаютъ достаточно сильнымъ умомъ, чтобы вынести то, что было бы непосильною тяжестью для большинства людей. Съ какою-же цѣлью однако несутъ они эти труды? Юмъ отвѣчаетъ на это такъ: «Мракъ противенъ уму не меньше, чѣмъ истина; ничто не можетъ доставить намъ такого наслажденія, какъ возможность изжить мракъ въ свѣтъ, какихъ-бы трудовъ это ни стоило».

Авторъ приведенныхъ словъ былъ именно той сильной натурой, которая способна вынести неимоверные труды, лишь-бы идти все впередъ, лишь-бы овладѣвать знаніемъ, прогнать мракъ изъ свѣта. Эту-то безкорыстную любовь къ истинѣ, къ свѣту правды и истины въ виду, когда во введеніи сравнивали Юма съ древними святыми, отбывая большее философское значеніе первого.

Обратимся теперь къ этической сторонѣ ученія Юма, которое содержится отчасти въ третьей книгѣ его «Трактата», но главнымъ образомъ въ «Исслѣдованіи принциповъ нравственности», по мнѣнію Юма, лучшему изъ всѣхъ его сочиненій. Интересно, что въ сферѣ нравственности Юмъ все основываетъ на чувствѣ. Разумъ, мышленіе сами по себѣ не могутъ быть источниками

поступковъ; они лишь даютъ намъ сужденіе объ истинномъ и ложномъ, лишь научаютъ насъ тому, предны или полезны наши поступки; самыя же дѣянія людей вызываются чувствами удовольствія и неудовольствія. На вопросъ: почему тѣ или другіе поступки нравятся? Юнъ отвѣчаетъ, что они нравятся намъ, потому что полезны, и притомъ полезны не только намъ лично, но человечеству въ широкомъ смыслѣ; другими словами, нравятся тѣ поступки, которые ведутъ къ общему благо-состоянію. Съ этой утилитарной точки зрѣнія продол-жаютъ Юнъ трактовать нравственность, рассматривая и обсуждая человѣческое поведеніе путемъ того-же холо-днаго анализа, съ которымъ онъ приступалъ къ вопро-самъ о происхожденіи позавѣда или о нашихъ отноше-ніяхъ къ внѣшнему міру; можно сказать, что для Юна этика была своего рода естественной исторіей. Добро-дѣтель въ глазахъ Юна имѣетъ цѣну лишь постольку, поскольку она способствуетъ счастью людей, да и во-обще «во всѣхъ опредѣленіяхъ нравственности глав-нымъ образомъ слѣдуетъ жить въ виду общественную пользу». Далѣе, въ главѣ «О справедливости», Юнъ опять такъ утверждаетъ, что «общественная польза есть единственнымъ источникомъ справедливости». Онъ предполагаетъ такое положеніе вещей, при которомъ каждый безъ всякаго труда получалъ-бы то, чего онъ желалъ или въ чемъ нуждался. Тогда у людей не бу-детъ никакого чувства собственности, не будетъ ни моего, ни твоего, а «справедливость окажется пустой церемоніей и не будетъ занимать мѣста въ спискѣ доб-родѣтелей». Слѣдовательно справедливость есть, такъ сказать, искусственное произведеніе, въ которомъ, при известномъ положеніи вещей, нѣтъ никакой нужды. Но должно-же быть какое-либо естественное чувство, заставляющее насъ предпочитать полезныя стремленія преднымъ. Такое чувство есть симпатія, т. е. любовь

къ ближнимъ; она внушаетъ намъ радость при видѣ счастья людей и горе при видѣ ихъ страданій. Сопитія порождаетъ безкорыстное одобреніе того, что содѣлываетъ не нашему, а чужому благу, и—неодобреніе противоположнаго. Вотъ почему невозможно одинъ только эгоизмъ сдѣлать приличнымъ нравственнымъ. Надо прибавить, впрочемъ, что замеченіе Юма, какъ моралиста, далеко не разнится его значенію, какъ исследователя въ области мысли. Размышленія его о страстяхъ и о нравственности представляютъ собою довольно поверхностный эскизъ, въ которомъ больше, чѣмъ гдѣ-либо, чувствуется недостаточность познаній Юма въ области психологіи.

Громадную услугу оказали Юму политической экономіи, впервые возбуждая интересъ къ ея вопросамъ и попытавшись разрѣшить ихъ. Его «Политическія рѣчи» считаются колыбелью политической экономіи,—и не даромъ: Адамъ Смитъ заимствовалъ изъ нихъ многое для своего знаменитаго сочиненія «Богатство народовъ». Въ своихъ политико-экономическихъ разсужденіяхъ Юмъ часто опирается на опытъ, вынесенный имъ изъ его практики, въ качествѣ администратора и государственнаго чина, что, конечно, только увеличиваетъ значеніе его писательскихъ трудовъ.

Въ нѣсколькихъ опытахъ, посвященныхъ экономическимъ вопросамъ, Юмъ ведетъ разсужденія со свойственной ему логичностью и ясностью. Онъ никогда не обольщался софизмами и предразсудками сторонниковъ меркантильной теоріи. Онъ обладаетъ слишкомъ возвышенной точкой зрѣнія и слишкомъ большой пропенательностью, чтобы не избѣжать тѣхъ промаховъ, которые такъ свойственны зауряднымъ дѣльцамъ коммерческаго міра. Юмъ мало понималъ и превосходно излагалъ ту мысль, что торговля есть не что иное, какъ

дѣловыя сношенія между различными классами и различными округами населенія, поставленными въ необходимость пополнять взаимныя нужды. Эти принципы применимы не только къ отдельнымъ провинціямъ одной и той же страны, но и къ разнымъ національностямъ и государствамъ. Меркантильная теорія, ставшая своей возжеланной цѣлью накопленіе денегъ, въ сущности стремится къ такому же недостижимому результату, какиихъ было-бы, напримѣръ, намѣреніе поднять воду выше ея нормальнаго уровня. Исходя изъ этихъ принциповъ, Юмъ строго осуждалъ учрежденіе таможенъ и пошлинъ, которыми всѣ саронейскія государства, не исключая и Англія, поощряютъ мѣстную промышленность вълѣдетелью торезъ-чуръ усерднаго желанія копить деньги и вслѣдствіе неосновательнаго опасенія уронить ихъ цѣнность. По мнѣнію Юма, если что-нибудь и можетъ разорить насъ, это именно подобная загѣя. Ничего, кромѣ зла, не выходитъ изъ того порядка вещей, благодаря которому сосѣдніе народы лишены возможности свободнаго сообщенія и общаго, столь необходимаго для мѣстностей съ различной почвой, климатомъ и другими природными условіями. Онъ доказываетъ далѣе, что всѣ эти стѣсненія происходятъ изъ очень неблагопріудливой ревности народовъ другъ къ другу, и отнаживается признаться, что, не только какъ чужеземецъ, но и какъ великобританскій подданный, онъ молится о процвѣтаніи торговли въ Германіи, Испаніи, Италіи и Франціи. Политико-экономическіе взгляды Юма въ свое время имѣли большое планіе на государственныхъ дѣятелей Англіи, между прочимъ на знаменитаго Вильяма Питта (младшаго). Къ счастью практическое направленіе и дѣловитость соотечественниковъ Юма не допустили ихъ до крайнихъ увлеченій политическими убѣжденіями философа, вслѣдствіе чего его экономическая доктрина подверглась необходимымъ из-

мненіяхъ и затѣхъ уже возродилась въ знаменитомъ учении Адама Смита.

Историческіе взгляды Юма признаются, говоря вообще, односторонними; главное убѣжденіе, которымъ онъ былъ проникнутъ, когда писалъ свою исторію, было слѣдующее: «міръ—сцена, а люди—актеры». Обязанностью историка онъ считалъ повѣствованіе о томъ, что проивалось себя видимымъ образомъ, т. е. о внѣшней сторонѣ жизни. Иногда посѣлъ поверхностнаго изученія онъ создавалъ себѣ понятіе о томъ или другомъ историческомъ лицѣ, выводя изъ перваго впечатлѣнія идѳю объ этомъ лицѣ, и затѣмъ кѣисто того, чтобы измѣнить свое идѳю, созрѣвалъ ее свѣтомъ другихъ повѣствованій, событій изъ различныхъ источниковъ,—онъ принимался истолковывать всѣ дѣйствія данного лица, съогласительно своему первому впечатлѣнію. Другими словами: въ «Исторіи Англіи» Юмъ является скорѣе адвокатомъ своихъ философскихъ взглядовъ, нежели ученикомъ, изыскивающимъ дѣло съ фактами и событіями. Къ рѣзкимъ типамъ Юмъ относится особенно антипатично; такъ напр. онъ ненавидѣлъ фанатиковъ всѣхъ вѣровъ и очень рѣдко осуждалъ ихъ; точно также отрицательно относился онъ и къ борѣбѣ народа за свободу, предпочиталъ лояльное повиновеніе существующей власти. Быть можетъ, раннее отарашеніе отъ юриспруденціи и малое знакомство съ нею были причиною того, что у Юма выработался такой взглядъ на историческое развитіе законовъ и конституционныхъ учрежденій его родины.

Что касалось болѣе внѣшнихъ качествъ «Исторіи» Юма, то они несомнѣнно блестящи и были главной причиной того успѣха, который эта книга имѣла и въ Англіи, и за-границей. Стилъ Юма превосходенъ: ясное и живое изложеніе, представляющее картинныя описанія, блестящъ остроумными характеристиками и юморными

интересными комментаріями. Этими достоинствами своего историческаго труда Юмъ сильно подкупалъ современниковъ въ свою пользу. Гельвецій восхищался философскимъ духомъ и безпристрастностію шотландскаго историка и уговаривалъ Юма привести въ исполненіе оставленную имъ мысль написать исторію церкви. «Сюжетъ достоинъ такого автора, и авторъ достоинъ такого сюжета», писалъ Гельвецій. Такого-же высокаго мѣста объ «Исторіи» Юма были и Даламбергъ.

Въ заключеніе прибавимъ, что если Юмова «Исторія Англіи» теперь мало читается, благодаря тому, что по интересу и изрѣжности изложенія она уступаетъ другимъ, болѣе новымъ, сочиненіямъ, все-же книга эта навсегда останется замѣлательнымъ литературнымъ памятникомъ и превосходной иллюстраціей философскихъ мнѣній и тенденцій Юма.

Наслѣдіе, оставленное Юмомъ въ области философіи, настолько значительно и важно, что знаменитый шотландскій философъ имѣть всѣ права на вниманіе и интересъ къ нему насъ, людей XIX-го вѣка. Своими скептическими методами, своимъ стараніемъ все провѣрить, обосновать и доказать, Юмъ создалъ настоящий переворотъ въ умозрительныхъ наукахъ и положилъ начало новой философской школѣ, которая до сихъ поръ въ рядахъ своихъ послѣдователей насчитываетъ великія имена самыхъ выдающихся философовъ и психологовъ. Для подтвержденія сказаннаго достаточно упомянуть Джона Стюарта Милла, Бона, Герберта Спенсера, такъ называемыхъ сенсуалистовъ, въ Англіи; представителей позитивизма, — Огюста Конта, Латтре и Лафитта — во Франціи, наконецъ Канта, этого творца критическаго метода, — въ Германіи. Правда, «великаго кенигсбергскаго мудреца» (Канта) считаютъ обыкновенно противникомъ Юма, благодаря тому, что онъ опровергалъ теорію причинности, установленную шотландскими

философомъ; но несомненно и то, что какъ содержаніе, такъ и методъ изложенія юнговской философіи побудили Канта къ созданію его доктрины; мало того, въ ученіяхъ обоихъ философовъ можно найти много общаго. Сама цѣль главнаго сочиненія Канта «Критика чистаго разума», по существу своему, та же, что и юнгова «Трактата о человѣческой природѣ». Критиками Канта и скептиками Юма, расходясь въ частности, сходится въ главномъ—въ стремленіи указать предѣльность нашего познанія въ томъ мірѣ явленій, который открывается намъ путемъ опыта. Разнѣ же аспектъ отголосокъ самыхъ заветныхъ мыслей Юма въ слѣдующихъ, наирѣзѣ, словахъ Канта: «Безлѣпная и быть можетъ единственная польза всякой философіи чистаго разума есть польза исключительно-отрицательная, такъ какъ эта философія представляетъ собою орудіе не для расширенія познанія, но для его ограниченія; вмѣсто того, чтобы открывать истину, она довольствуется скромной заслугой предупредить заблужденія». (Kant, «Kritik der reinen Vernunft».)

Легко-ли довольствоваться такою ролью судьи и критика, безусловно обнаруживающаго всѣ красоты самообольщенія людей и предостерегающаго ихъ отъ дальнѣйшихъ вредныхъ мечтаній—это другой вопросъ. Мы уже приводили изъ «Трактата» Юма тѣ горячія строки, въ которыхъ юный философъ жалуется на невозможность успокоить чѣмъ-нибудь положительнымъ свой умъ, разгоряченный и измученный необходимостью только опровергать и отрицать... Видѣть вещи въ ихъ истинномъ свѣтѣ, разрушать иллюзіи, не быть способнымъ къ головокружительнымъ увлеченіямъ, возмущающимъ насъ за предѣлы возможнаго,—все это въ высшей степени полезно и плодотворно, но не дешево и обходится эти драгоценныя качества тѣмъ, кто выра-

близость въ себѣ такое критическое отношеніе къ окружающему міру.

Юмъ, по самой природѣ своей, спокойный, прозаическій, любознательный, проинципальный, послѣдовательный и правдивый, подходилъ какъ нельзя болѣе, къ роли анализатора мысли, во все анналогичное и ничѣмъ не увлекающагося. Но своеобразіе ума своего онъ былъ не изъ числа тѣхъ, которое говоритъ о себѣ: «тыся горюхъ истинъ намъ дороже насъ возмущающій обманъ». Обманъ, ложь были для него тѣмъ мракомъ, который «протиски» уму, равно какъ и вѣрнѣю». Для умственного пресвѣтлѣнія своего и своихъ близкихъ работамъ Юмъ всю жизнь и создалъ себѣ неизбѣжную характеристику, превосходно выраженную слѣдующими словами Адама Смитъ: «Вообще какъ во время его жизни, такъ и послѣ смерти, онъ представляется живъ личностью», настолько приближеннаго къ идеалу истинно-мудраго и добродѣтельнаго человѣка, насколько это возможно для слабой человеческой природы».

Если задача критика состоитъ въ томъ, чтобы понять и затѣмъ объяснить читателямъ разбираемое имъ литературное произведеніе, то про біографа можно сказать, что существенною цѣлью его труда должно быть стараніе вполне уяснить себѣ нравственный обликъ описываемаго имъ дѣятеля и отвѣтить на вопросъ: почему именно тѣми, а не другими стремленіями и трудами характеризовалась жизнь его. Тогда въ глазахъ читателей все духовное послѣдіе, оставленное нами великимъ человѣкомъ приметъ характеръ чего-то неизбежнаго, разумнаго и понятнаго, а не случайнаго и вызывающаго лишь крайнее изумленіе; тогда и къ самому біографу возбудится большее довѣріе, а къ его словамъ и оцѣнкѣ болѣе интересъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда онъ становится точкою тамъ, гдѣ кончается изложеніе до-

былъ имъ фактъ и воздерживается отъ комментирования ихъ.

Вотъ почему намъ хотѣлось-бы сдѣлать послѣднюю попытку къ объясненію того, что за типъ интелъ мы въ лицѣ Давида Юма, и поскольку его дѣятельность, проникнутая очень опредѣленнымъ и цѣльнымъ характеромъ, обуславливалась его темпераментомъ, сложностью, инстинктами, — всѣмъ, что называется духовной природою человека.

Намъ уже приходилось упомянуть о томъ досадномъ пробѣлѣ, который встрѣчается біографу, обращающагося къ дѣтскимъ годамъ и персональному воспитанію Юма; такимъ образомъ, обходитъ молчащѣмъ первыя жизненные впечатлѣнія и условія развитія ребенка Дэвида, мы прямо обращаемся къ тому юному, углубленному въ свои размышленія и страстно вдуманному книжнымъ занятіямъ, каковы Юмъ былъ въ 16—17 лѣтъ. Странный и въ тоже время простой это былъ типъ! Всего болѣе поражаютъ въ юномъ Дэвидѣ сухая разсудительность не по лѣтамъ, желаніе мыслить, а не мечтать, порывы къ философіи, а не поэзіи, наконецъ, — такая неспособность увлекаться, восхищаться и любоваться, что эта черта доводила Юма до почтиаго равнодушія ко всему прекрасному. Пусть это будетъ недостаткомъ, пусть такую натуру называютъ неблагодарною и жалкою въ эстетическомъ отношеніи, зато энергичный, сильный темпераментъ тѣмъ арте, тѣмъ замѣтнѣе проявилъ себя въ другой сферѣ. Юмъ не былъ способенъ къ работѣ воображенія, которое зачастую, едва цѣпляясь за дѣйствительность, затѣмъ возносится надъ ней и въ результатѣ создаетъ что-либо прекрасное, но порою, — лишнее, обманчивое и потому вредное. Не къ тому направлялъ Дэвида его пылкий умъ: дѣйствительность была для него прежде всего предметомъ изученія; ему все хотѣлось разобрать, понять, доказать, прочно обо-

снова и потому — вещь замѣчательная — въ 17-ти, 18-ти лѣтнемъ возрастѣ онъ протестуетъ противъ гипотезъ и выдумокъ, слишкомъ часто фигурирующихъ въ сферѣ науки. Будъ Юмъ мало одареннымъ, дожиннымъ человѣкомъ, холодною его темперамента, отсутствиемъ фантазій и эстетическихъ склонностей казался-бы пропитаннымъ властою, безличности и холодной интеллигентности субъекта. Но въ оригинальной и сильной натурѣ будущаго философа способности не тлѣли и не замирали, онѣ лишь приняли обычное для юнаго возраста направленіе съ тѣмъ, чтобы болѣе или менѣе постоянно держаться этого направленія всю жизнь. Не будъ Юмъ такъ прозаиченъ, спокойно разсудителенъ и наблюдателенъ, врядъ-ли написалъ-бы онъ въ сравнительно раннемъ возрастѣ замѣчательный философскій трактатъ; не будъ онъ такъ неспособенъ общаться и восхищаться, не провѣряя своихъ впечатлѣній, врядъ-ли могъ-бы онъ такъ послѣдовательно и неуклонно держаться однихъ и тѣхъ же взглядовъ въ теченіе всей своей жизни, почти исключительно посвященной философскимъ занятіямъ; наконецъ, прощательность и наблюдательность Юма со-служили ему великую службу и въ его отношеніяхъ съ людьми. Развѣ не удивительно, въ самомъ дѣлѣ, прямота, научная честность, стойкость и прочность симпатій, которыми характеризуются всѣ отношенія Юма къ близкимъ ему людямъ. Не возмущаясь безъ жѣры, не создавая романтическихъ вѣзмовъ въ началѣ знакомства, онъ тѣмъ самымъ избавлялся отъ печальныхъ разочарованій и сѣтованій впоследствии; исключеніе составляетъ лишь его столкновеніе съ Руссо, да и то за шотландскаго философа говорить въ данномъ случаѣ исключительная, ослѣдительно-галантная личность Руссо.

Замѣчательными нравственными качествами Юма

были также его доброта и сердечность. Знакомство съ біографіей этого мыслителя убѣждаетъ насъ въ томъ, что онъ имѣлъ сердце, способное глубоко и самоотверженно любить; что онъ былъ отзывчивъ на чужія несчастія и склоненъ скорѣе жалѣть людей, чѣмъ осуждать ихъ. Вспомнимъ его теплый отзывъ о матери, его горькое оплакиваніе ея смерти; вспомнимъ помощь, оказанную бѣдному слѣпому поэту; вспомнимъ, наконецъ, благородное, великодушное отношеніе къ исполненному коварства поступку Руссо. Но наипочту мнѣнію многое въ этомъ добродушіи и этой нѣсколько пассивной сердечности Юма объясняется самой его національностью. Нашъ философъ былъ шотландецъ, уроженецъ сѣверной гористой мѣстности, съ ея тяжелыми условіями сурового климата, неприязненной природы. Странное дѣло, но именно въ такихъ-то обстоятельствахъ у жителей страны развивается большая душевность, мягкость нрава, теплота чувствъ, вообще то, что называется гуманностью. Наоборотъ, подъ яркимъ солнцемъ юга, среди богатствъ и роскоши, природы, сфаригощей человѣка не только необходимымъ, но даже излишнимъ, — въ душѣ его гнѣдятся и развиваются жестокость, необузданность порывовъ и безсердечіе позитивнѣ изумительныя.

И такъ Юмъ по своимъ душевнымъ свойствамъ представлялъ лишь типичнаго сына своей родины и кромѣ того доказалъ своимъ прамѣромъ, что ни критка, ни зочиненіе ученыхъ трактатовъ не очерствяютъ человѣка; не дѣлаютъ его себя любимымъ, тщеславнымъ эгоистомъ, если только эти качества не присутствуютъ ему настолько, что они проявились-бы и совершенно независимости рода его занятій.

Но во всемъ цѣльномъ и характерномъ образѣ Юма сильной возвышенной, сильной благотворной чертой сѣ-

думать признать его безусловное стремление къ истинѣ, къ тому, что онъ самъ называлъ снѣтостью, неострашно привлекающимъ его и озадачивавшимъ всю его дѣятельность, какъ общественную такъ и научную. Не разу не уклонился Имъ отъ замѣчательнаго имъ путинислѣдованій; не разу не впалъ въ искушение обмана или самообмана и былъ однимъ изъ тѣхъ неизмѣнныхъ служителей идеи великой и строгой, самый образъ которыхъ есть драгоценный заветъ и поученіе для потомства.



ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЕ КНИГИ

[illegible][illegible]

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

[illegible][illegible]

Съ рисунком. Ц. 1 р., въ перешитъ съ холст. 1 р. 50 к.

Министровъ дѣтей Библией сѣра-скимъ для народнаго чтенія. Состав. Ф. Пудысовичъ: Сотвореніе міра. 6 к. Пророки-Писатели, 10 к. Иосифъ Прекрасный, 7 к. Моисей, 10 к. Самсонъ, 5 к. Соломонъ, 7 к. Илья, 7 к. Рубъ, 5 к. Иова, 7 к. Товитъ, 8 к. Есфирь, 6 к. Иоваъ Навинъ, 7 к. Давидъ Пророкъ, 10 к. *Объясненіе Ученыхъ Комитетомъ при Синодальномъ Синодѣ для народнаго чтенія и Речъ Ком. Мам. Нар. Пр.* для библиейнаго чтенія народнаго учителя. Новые Библиейскіе рисунки. Сост. Ф. Пудысовичъ: Паденіе и Іерусал., судъ израильтянъ. Ц. 5 к. Пророкъ Самуилъ, Ц. 5 к. Саръ, первый царь израильтянъ. Ц. 8 к. Даръ и пророкъ Давидъ-Благословенный. Ц. 8 к. Пророкъ Давидъ. Ц. 7 к. Ездра и Нееманъ. Ц. 6 к. Судъ Манассей. Ц. 7 к.

Министровъ дѣтей сборникъ исторій ирреальныхъ исторій изъ области природы, науки и искусства. Ц. 1 р., въ холст., перепл. 1 р. 50 к.

Исторія семейства Честеръ и дѣтя милыхъ и хорошихъ. Съ рисункомъ. Ц. 1 р. 50 к.

Маленькіе чистоты и порядки Разсказы изъ книги „Дѣтскіе Сказки“. Сост. Соренсенъ. Ц. 10 к.

Маленькіе сказки. Сказки-песни В. М. Адамскаго. Съ рисункомъ. Ц. 10 к. Ученыхъ Комитетомъ сѣраскимъ Писателями Маріе до-дучена изъ ученическихъ библиейскихъ средъ и выписки классныхъ средъ, учебныя материалы.

Муравей. Литературный сборникъ для дѣтей средъ и старшаго возраста. Ц. 1 р. 50 к.

На память о Жюль-Зандъ. 2 рисо-ванныхъ для дѣтей: Голубиный дубъ и Гривуль. Съ рисункомъ, который и картин-нымъ. Ц. 1 р.

Наслѣдство дяди Несторенъ. Ро-манъ для дѣтей старшаго возраста,

Переводъ съ англійскаго Н. Аб-бата. Съ иллюстраціями картинъ и рисунковъ. Ц. 2 р. въ холст., съ холст. 2 р. 50 к.

Новые книги. Рисунки для живописи. Сост. Н. Соренсенъ. Ц. 45 к. Сказки-песни: Давидъ.—Соло.—Есфирь.—Саръ.—Уильямъ.—Города.—Городъ города.—Губернія.—Губернскій городъ.—Дворянство.—Ос-лода.—Государство.

Новые рисунки вѣтхого для дѣтей. Сост. А. Кооперманъ. Съ 10-ю иллюстраціями картинъ ирисунковъ и др. рисунковъ. Ц. 1 р. 75 к., въ холст., холст. 2 р., въ перешитъ съ холстомъ 2 р. 50 к.

Переводъ сказки. 15 сказокъ. Ц. 1 р.

Объясненіе. Рисунки изъ обще-ственного житія западнаго края. Н. Ланской. Въ 2 частяхъ. Над. 8-е, иллюстраціи. Ц. 1 р. 25 к.

Стороннаго гда Вульфенъ. Географическая поэма. Я. П. Адамскаго. Над. 2-е. Ц. 1 р. 25 к., въ холст. 1 р. 50 к., въ холст., перепл. 2 руб.

Отъ Рождества до Пасхи. Сборникъ рисунковъ для дѣтей. Вульфенъ Я.—На Рождество. Съ рисункомъ и картинками. Ц. 1 р. Над. Ц.—На Новый годъ. Съ рисункомъ и картинками. Ц. 1 р. Оба выкупа въ холст., перепл. 2 р. 50 к. Дру-жинны особые отъ дѣтей Ученыхъ Ком. Мам. Нар. Пресс. изъ ученич. библиейнаго.

Ожиръ сѣраскимъ Египта. Пе-редѣльно для живописи изъ романа Зидъ Мбу: Феланъ Асманъ, С. Самословъ. Ц. 1 р. 50 к. Заключенъ изъ изданий ученическихъ библиейскихъ средъ и учебныя ма-териалы сѣраскимъ Ученыхъ Ком. Мам. Нар. Пресс. изъ ученич. библиейнаго.

Первые рисунки изъ египетской исторіи для школы, дѣтскаго сада, вѣтхого и народа. Новая Пери. Вульфенъ.

Башкира 1. Изд. 7. съ рис. II, 1 р.;
таже, Башкира 2. Изд. 5, съ карт.
II, 1; таже Башкира 3. Изд. 3, съ
карт. II, 1 р. *Ободреніи Румын. Ком.
Мин. Нар. Просв.* для бѣла, три
книжки. перлам. утилит.

Полное собрание сказокъ Андер-
сена. Съ картинками, въ красномъ
перлам. т. 1-4, переизд. *Вопросъ
Лейбурна*, изд. 4-е II, 1 р. 75 к.
т. 2-4, перм. *Минист. Вѣдѣн*, изд. 4-е II, 2 р.; т. 3-4, перм. *Мини-
стерств.*, съ портретами автора. II, 2 р.

«Полный трудъ». Литературный
сборникъ для дѣтей. Съ картин. II,
1 р.

Рассказы мои что-нибудь и
команды картинки Сост. Р. Андреев-
ская. Съ иллюстр. рисунковъ. 1898 г.
II, 1 р. 25 к., въ перл. 1 р. 50 к.,
въ перл. съ золот. 2 р.

Рассказы изъ исторіи и путешествій
принца въ Голландію. Профессора Виль-
яма, перм. II. *Вильямсбургъ*. II,
50 к. *Училища Коммунальнаго Ма-
гистратурина Нидерландскаго Просвѣ-
щенія* собраны для утилитарнаго
бѣлоснежнаго школьнаго курса. (малѣ-
йшій возрастъ) и женск. (оба воз-
раста) и больше для средняго учеб-
наго школьнаго.

Рассказы и сказки для дѣтей.
Сост. А. Коммандова. Съ 6 картин.
Большинство сюжетовъ Е. Бентъ и др.
нѣтъ. II, 2 р., въ перл. 2 р.
25 к., въ перл. съ зол. 2 р. 75 к.

Рассказы о Петрѣ Великомъ. Съ
рисун. и портретами Петра Вели-
каго. Сост. Сергѣевъ. Изд. 2-е, пе-
реиздана. II, 45 к., въ перл. 65 к.,
въ перл. перлам. съ зол. 1 р.—
*Допущено Высшимъ Комитетомъ Мин.
Народн. Просв.* для утилитарнаго
бѣлоснежнаго школьнаго учителя.

Сборникъ сказокъ для дѣтей, сироту-
шек. Сост. Князьковъ. Изд. 2-е,
дополнено. II, 1 р.

Смѣшные рассказы. II. П. По-
литковъ: 1. Бѣлоснежная и смѣшная,
II, 10 к.; 2. Пять сказокъ, II, 5 к.

III. Матвей, II, 10 к.; IV. Сказка
Насоса, II, 10 к.; V. Мамонтъ, II,
5 к.; VI. Пятъ много дѣтей, II, 20 к.;
VII. Промышленность, II, 10 к.

Сказки и сказки великаго Гундоя.
Сказочный миръ. С. Мамон-
това. Съ рисунками, Изд. 4-е.
II, 10 к. *Ободреніи Румын. Ком.
Мин. Нар. Просв.* для ути-
литарнаго бѣлоснежнаго школьнаго и
личнаго учителя школьнаго.

Сказки великаго великаго. Сост. А.
Коммандова. Съ иллюстрациями кар-
тинками и друг. рисунками. Из-
даніе 2-е II, 1 р. 25 к., въ красномъ
перл. 1 р. 40 к., въ перл. съ
золотомъ 1 р. 60 к.

Сказки о Мраморѣ-Богатырѣ. Рас-
сказы для дѣтей, II. П. Аппо-
риана. Съ рис. Н. Каравана. Всего
2-е изд. II, 50 к. *Училища Комму-
нальнаго Просвѣщенія* утилитарнаго Пе-
дагогическаго Мрамора для ути-
литарнаго бѣлоснежнаго школьнаго учи-
теля школьнаго.

Сказки Амазона Портава. 7
том. II, 12 р.

Сказки А. Н. Сташова: 1).
Двадцать сказокъ, рисунки. Изд. 2-е.
II, 1 р. 25 к. 2) Золотой браслетъ,
рисунки. Изд. 2-е. II, 60 к. 3) По-
ходъ на джунгли, рисунки. Изд. 2-е.
II, 60 к.

Что скарманать малы? Чтеніе для
дѣтей средняго и старшаго возраста.
Сост. Ф. Рубинъ, изд. 2-е, ил-
люстрировано рисунками, большой томъ
убористой печати, 418 стр. II, 2 р.,
въ перл. съ зол. 2 р. 75 к.
*Допущено Высшимъ Ком. Мин. Нар.-
просвѣщенія* въ утилитарно-
бѣлоснежномъ школьномъ и личномъ
учителѣ школьномъ.

Школьный Школьникъ. Писатель
Школьника. Гамлетъ, принцъ Дан-
сей. Кратчайшія статьи Школьника
и Туркена въ Гамлетѣ. Съ портре-
томъ Школьника и 9 другими рисун-
ками. Изданіе 2-е. II, 1 р., въ пе-
рл. перлам. съ зол. 1 р. 60 к.

Книги, составленные А. Н. Острогорским:

Во второй групп. Подарки и рублики, Выд. 2-я, издана, с рублик. Ц. 1 р. 25 к., с рубль 1 р. 60 к., с рубль, рубль, с рубль 2 р. *Общество Форман-Ель Мил. Неп. Печенгский.*

Дятел обыкновенный. Обитает в лесах. Вид 1-й, популяц. с разнотипных. Ц. 1 р., популяц. 1 р. 25 к., популяц. популяц. с 400, 1 р. 60 к. Обитает в лесах Кавк. Мав. Иран. Численность.

На Дворц. Стан. по состоянию на 1.1.1940 г. 1 р. 25 к., на переписи по состоянию 1.1.1940 г. 60 к. Состояние на 1.1.1940 г. 60 к. Состояние на 1.1.1940 г. 60 к. Состояние на 1.1.1940 г. 60 к.

По Стар-сабей. Обороты рас-
каза. Над. 3-е, исправ. из рукописи.
П. 1 р., в 1848 г. р. 25 к., в 10
лист. перга. с 1848 г. р. 60 с.
Особое Учение Бож. Мил. Нар.
Пространство для увеличения дей-
ствия, сдвинуть у себя на правую

Copyright © 2004, John Wiley & Sons, Inc.

Над. 2-а, северозападна. II, 1 р.
50 м., в таван 1 р. 50 м., в юго-
западна. северозападна в югозападна 1 р.

У работников людей. Охрана растений. Изд. 2-е, исправ., с дополнениями. Ц. 1 р., из них 50 к. в переплет; по желанию читателей с доставкой 1 р. 80 к. Опубликовано Редакцией Бюл. Мич. Нав. Писательств.

© 2001 Blackwell Science Ltd *Journal of Internal Medicine* 250: 101–107

Амфилохия горная область, рассказ. II. 10 к. Шестнадцатое Соснора на Мюбаль, рассказ. II. 10 к. Лестница Брама и старая книга, для рассказа. II. 10 к. Белоснежная ночь, рассказ. II. 10 к. Георгий Храбый, китайский миф. II. 10 к. Прерывистая вечерняя, рассказ. II. 10 к. Дробина, рассказ. II. 10 к. Рыба, для рассказа. II. 10 к. Рыбаки на Волге, три рассказа. II. 10 к. Другая и третья сказка о хитрости, рассказы. II. 10 к. Новая притча о хитрости, рассказ. II. 10 к. Прерывистая ночь, рассказ. II. 10 к.

Иллюстрированные романы Вальтера Скотта,
въ полномъ переводѣ:

Том I. Вяземский; т. II. Гай Малюков; т. III. Ахмедов; т. IV. Род-Род; т. V. Ахмедов; т. VI. Александровская книга; т. VII. Немецкая; т. VIII. Вяземский; т. IX. Александровская книга, или книга среднего Лотиса. т. X. Мамычев; Вяземский том 1800 стр., со 2 карт. и около 50 мин. Александровская книга 1800 стр., со 3 р. 50 и. Том т. XI. 1800 стр. Со 2 карт. и 37-е издание. Вяземский. II. 2 р. 50 и.

■ Забывшая русский критик Блэксли заявила в рецензии Вальтера Скотта следующие слова, и доказав не терпение своего читателя: «Вальтер Скотт разве рыцарственен и романтичен. Только его романы променяешь на книгу какого-то доброго и заботливого старика, у которого, убогого, туповатого старичка фантазия, она образует сердце и развивает ум, потому, что женщина В. Скотта не сосредоточенная, не мечтательная и не безразличная... Для излечения людей особенно полезным романом В. Скотта; убогий старик из мира женщин, как не только не стыдиться, так еще гордится, но еще воспитывается и развивается от книги исторического чувства, без которого никакая история безжизненна».

Восстановление структуры. С. Тимофеев, 13. Июля 1999 г.

Tongue, *Reynolds* 1919a, Tongue, *Algonquian Tongue*, 2, Boston, 21.

Юрьев
С 15

215

О ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЯХЪ

БИБЛИОТЕКА БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

ДАВИДЪ ЮМЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ФИЛОСОФСКОЕ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

ИЗЪВЕЩАЮЩАЯ РАБОТА
Н. В. СЕВЕРИНЪ

Съ портретомъ Юма, гравированнымъ съ Лейбнера Геймана.

ЦѢНА 25 КОП.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪЗНЕСЕНІЕ НА ПУТИ. ВЫХОДЯЩЕЕ СЪ ТѢМЪ. СЪВѣДѢНІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
Всѣхъ. Издаваемый, 20

1898